

Ради павших и живых

Сборник эссе к 67-летию Великой Победы.

Великий Новгород
2012

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Ради павших и живых

Сборник эссе к 67-летию Великой Победы

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
2012

ББК 63.3 (2 Но) 62
Р 15

Р 15 Ради павших и живых: сб.эссе к 67-летию Великой Победы / сост. А. Ф. Булгакова; под ред. А. Ф. Булгаковой; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2012. – 152 с.

ISBN

Эту небольшую книжку написали преподаватели, сотрудники и студенты Политехнического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого — машиностроители, строители, архитекторы, дизайнеры, автомобилисты, теплоэнергетики. Взяться за перо этих, далеких от литературного творчества, людей вдохновили большая любовь к Родине и безграничное уважение к людям, которые выстояли и победили в годы тяжелых испытаний. В книжке собраны записанные студентами воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, блокадников, «детей войны» и тех, кто восстанавливал разрушенные города.

ББК 63.3 (2 Но) 62

ISBN

© Новгородский государственный
университет, 2012
© А. Ф. Булгакова составление, 2012

Содержание

6	В крайнем случае <i>Виктор Карпушкин</i>
8	Мы можем и должны сохранить память <i>А. Ф. Булгакова</i>
13	Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты <i>А. Ф. Булгакова</i>
20	Не забыть и не простить <i>А. Ф. Булгакова</i>
28	Час расплаты <i>В. П. Михеев</i>
60	И бьют снаряды по броне <i>А. Ф. Булгакова</i>
65	На огненной черте <i>В. П. Кудряшов</i>
74	Мне часто снятся те ребята <i>А. Ф. Булгакова</i>
79	Маленькие эпизоды большой войны <i>П. М. Куцеволов</i>
87	Военное детство <i>М. М. Шапиро</i>
123	Была война, но мы пришли живыми <i>Сергей Бугров</i>
126	Жизнь, отданная долгу <i>Сергей Бугров, Константин Епифанов</i>
133	Они защищали тебя, Ленинград! <i>Сергей Бугров, Константин Епифанов</i>
140	Им выпала такая участь <i>Константин Епифанов</i>
144	Нам не забыть тех страшных дней <i>Владимир Чежегов</i>
148	Война совсем не фейерверк, а просто трудная работа <i>Владимир Чежегов</i>

Вам, живым и павшим героям Великой Отечественной войны, посвящается этот сборник

*Наклонены гвардейские знамена.
Под траурную музыку оркестров,
Честь воздаем погибшим поименно,
Молчаньем, помянув неизвестных!*

Михаил Богданов (2000 г.)

Эту небольшую книжку написали преподаватели, сотрудники и студенты Политехнического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого — машиностроители, строители, архитекторы, дизайнеры, автомобилисты, теплоэнергетики.

Взяться за перо этих, далеких от литературного творчества, людей вдохновили большая любовь к Родине и безграничное уважение к людям, которые выстояли и победили в годы тяжелых испытаний.

В книжке собраны записанные студентами воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, блокадников, «детей войны» и тех, кто восстанавливал разрушенные города.

Виктор Робертович Вебер

Ректор Новгородского
Государственного
университета
им. Ярослава Мудрого

**Вечная слава и память
солдатам, сложившим
голову на полях
сражений!**

Великая Отечественная война стала колоссальной трагедией для жителей нашей страны, принесла бесчисленные страдания миллионам людей, небывалые в истории человеческие потери.

Победа советского народа в самой жестокой войне с фашистскими агрессорами стала возможной, благодаря массовому патриотизму, самоотверженности огромного количества людей разных национальностей. Всех их объединяло ощущение принадлежности к великой стране, общей Родине.

Приближается 67-ая годовщина Победы в Великой Отечественной войне. В это время мы традиционно чтим память всех, не вернувшихся с фронта, и тех, кто, увы, не дожил до сегодняшнего дня, чествуем живущих с нами ветеранов.

В связи с этим отрадно отметить, что силами студентов, преподавателей и сотрудников Политехнического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого подготовлен к изданию уже третий сборник эссе, основой для которого стали воспоминания ветеранов. На страницах этой книги вновь ожила правда о жесточайшей войне, о мужестве нашего народа, о беспримерном героизме и самопожертвовании. Выражаю глубокую признательность всем, кто подготовил к печати этот уникальный сборник!

Здоровья и долгих лет жизни ветеранам, отвоевавшим свободу и независимость нашей Родины! Вечная слава и память солдатам, сложившим голову на полях сражений!

Виктор Карпушкин
гр. 8061

В крайнем случае

Не ради Кремля или Белого Дома,
А ради родных людей и знакомых,
Не ради Мавзолея, где лежит Ленин,
А ради детей и новых поколений.

Не ради радио или телеэфиров,
А ради обычных людей в квартирах,
Не ради победы, скорее, ради мира
На этой земле столько людей погибло.

И я не понимаю, откуда были силы,
Стоять на своём, когда всех подкосило,
Но глубоко где-то под каменным настилом
Их концом стала братская могила.

Ни конкретного места, ни конкретной даты,
Просто когда-то были ребята,
Году в 41-м или в 45-м,
Для которых Родина звучало свято!

Погода и правительство — всё против них словно,
Но в бой шли все, поголовно,
В плену унижали их и зверски мучили,
Но они не сдавались, даже в крайнем случае.

Значит, была идея, что объединяла людей,
Цепляла за душу, и, если хочешь, не верь
Она была рядом и не менялась с годами,
А видеть или нет, мы решаем сами.

Ровесникам режут глаза передовицы
И они ищут своё место за границей,
Но, если хочешь, чтобы радовал мир снаружи,
Надо, чтобы внутри была сила сильнее оружия!

Виктор Карпушкин

Да, тут беспредел и беззаконие,
Но и Америка — это сплошная утопия!
Менты и военкомы напрягают не по-детски,
Но лучше слышать русский, чем немецкий!

Я прожил в Европе четыре долгих года,
И ни разу меня там не назвали уродом,
И от их жизни вряд ли полезешь в петлю,
Но я вернулся на родную землю!

Депресняки бывают, и нервы пошаливают,
И не то, чтобы патриотизм зашкаливал,
Просто думаю, что так будет правильно,
Ведь, страна — наша, а не Путина или Сталина!

Я помню эту смену власти с путчами,
И небо, на года затянутое тучами,
Я понимаю, что прижмёт ещё и покруче,
Но если сдаться, то только в крайнем случае!

Алла Филипповна
Булгакова
Зав. механико-энергетическим
отделением ИПТ

Мы можем и должны сохранить память

Бои за Синявинские высоты стали одной из самых трагических страниц битвы за Ленинград.

Попытки прорвать блокаду Ленинграда в ходе Синявинских наступательных операций 1941-1942 гг. успеха не имели. Даже после прорыва блокады в январе 1943 года Синявинские высоты — возвышенности до 50 м над уровнем моря в южном Приладожье — остались за врагом. Это позволяло ему обстреливать железнодорожную линию, связавшую в феврале 1943 года Ленинград со страной.

Активные боевые действия на Мгинско-Синявинском направлении возобновились летом 1943 года; до самого января 1944 года продолжались бои и погибали люди. На Синявинских высотах и окружающих их болотах осталось лежать не по одному личному составу воинских частей и подразделений Волховского и Ленинградского фронтов.

Мой дядя, Василий Васильевич Мельниченко, погиб 28 июля 1943 года у деревни Вороново Мгинского района Ленинградской области. В годы войны деревня была полностью уничтожена. На её месте остались следы тяжелейших сражений: окопы и глубокие воронки от снарядов, которые не смогло стереть время.

Я родилась после войны и о боевом пути своего дяди знаю, к сожалению, очень мало. Знаю, что был он весёлым, симпатичным парнем, с копной густых, очень светлых волос. На фронт попал с первых дней войны. Писем домой не писал: в оккупированное украинское село Михайловка

Фронтальное письмо

под Кривым Рогом, где остались мама и пятеро младших братьев и сестёр, письма дойти не могли.

Похоронен дядя Вася вместе с пятью тысячами бойцов в братской могиле у станции Назия под Ленинградом. Имя лейтенанта Василия Васильевича Мельниченко выбито на одной из мраморных плит мемориала.

Ежегодно 9 мая на митинг по случаю очередной годовщины Великой Победы собираются родственники погибших защитников Ленинграда со всех концов бывшего Советского Союза. Однажды у обелиска я познакомилась с Любовью Фёдоровной Седачёвой, которая вместе с внучкой посещает это братское захоронение. Здесь покоится тело её старшего брата Анатолия Фёдоровича Шарова.

Василий Мельниченко и Анатолий Шаров воспитывались в одной стране, обоим было по 20 лет, оба сражались за Ленинград в одних и тех же окопах и прошли через суровые испытания.

Возможно, они встречались, были знакомы и даже дружили. Василий погиб 28 июля, Анатолий — через 5 дней, 2 августа. За день до гибели Анатолий написал своё последнее письмо.

Письмо, судя по бурным пятнам крови, видимо, было отправлено однополчанами уже после смерти бойца.

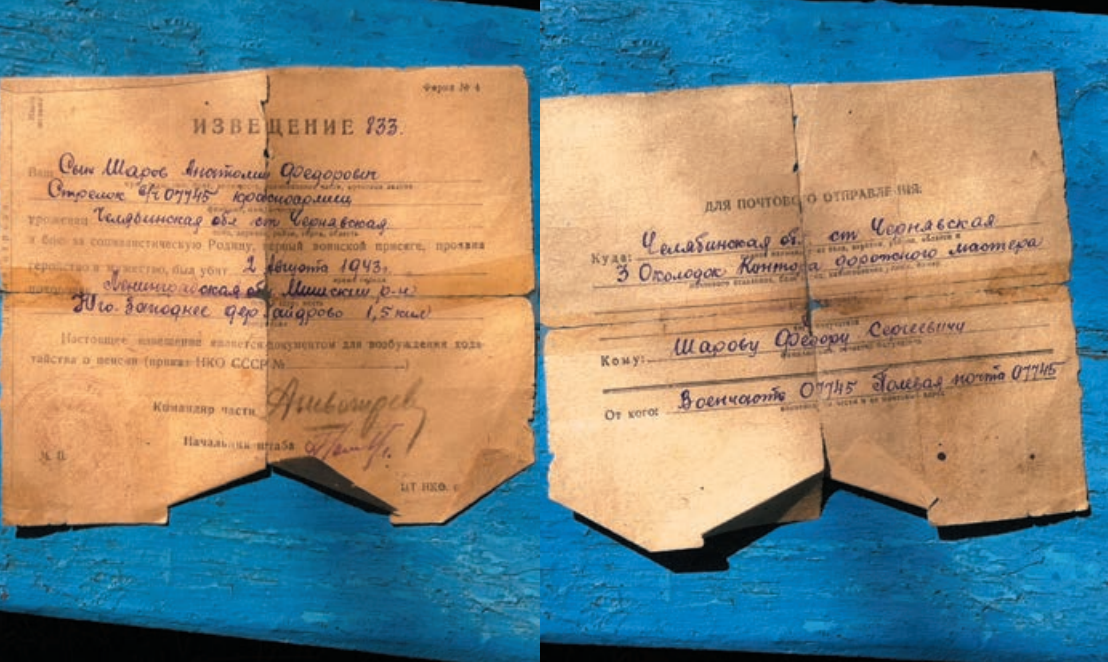
Судьбы этих двух парней были очень похожи. Много они могли понимать и чувствовать одинаково. Поэтому меня так заинтересовало письмо Анатолия. Любовь Фёдоровна любезно позволила сфотографировать и опубликовать последнее фронтовое письмо своего брата.

Здравствуйте, дорогие мои родители папа, мама, а также дорогие сёстры Мая, Клара, Любочка и брат Гера. Во первых строках своего письма сообщаю вам, что я жив, здоров, чего и вам желаю. Долго ждал, но получил от вас два письма, от папы и от Маи, за которые сердечно благодарю и желаю всего наилучшего в вашей жизни.

В письмах вы спрашиваете, почему я не пишу о себе. Да и писать нечего, известная жизнь солдата. В настоящее время пишу прямо из окопа. А папа сам должен знать, какая жизнь солдата в окопе, потому что сам всё испытал. Но за мою судьбу прошу вас, дорогие родители не беспокоиться. Иду в наступление на проклятого, вишного фрица уже четвёртый раз, и пока что ещё ничего. Может, бог даст, и всё пройдёт благополучно. И опять заживём по-старому, ну, а если я погибну, то смертью храбрых за освобождение Отечества от фашистского зверья.

Писать больше нечего. Спасибо вам большое за то, что вы написали сразу два письма. Я себя чувствую счастливым, что я за шесть с лишним месяцев, не получая писем, сейчас получил сразу два. Но об одном прошу маму: не беспокоиться обо мне, а беспокоиться об остальных детях, об их воспитании.

Вот всё, что я могу вам написать о себе. Ещё могу написать о погоде, что в настоящее время погода хорошая, дождей нет, а это самое главное в окопной жизни. Пока у меня всё, писать больше нечего.

Похоронка

Передаю всем по горячему поцелую и по горячему красно-армейскому привету. Обращаюсь опять к маме, чтобы она за мою жизнь не беспокоилась. И вы, дети, слушайте маму и не расстраивайте её. За тем остаюсь ваш сын Анатолий. Передавайте всем друзьям и знакомым по привету.

*Ваш сын Анатолий. Целую вас по 10 000 000 раз.
31 июля 1943 года.*

После прочтения такого письма хочется одного: чтобы мы не забывали, какое счастье жить без войны, чтобы помнили о тех, кто падал под пулями, отдавая за Родину, за нас с вами свою жизнь. Нынешнее время, пожалуй, особенно ценно тем, что рядом с нами ещё живут ветераны, те самые — прошедшие, отстоявшие и победившие! **Хочется сказать им: «Спасибо!». Спасибо за то, что не жалели себя на полях сражений и работали без отдыха на заводах. Спасибо за то, что нашли в себе силы победить, восстановить страну, отказывая себе во всём, чтобы мы жили и были счастливы.**

Мы не в силах остановить время, но мы можем и должны сохранить память.

**Алла Филипповна
Булгакова**
Зав. механико-энергетическим
отделением ИПТ

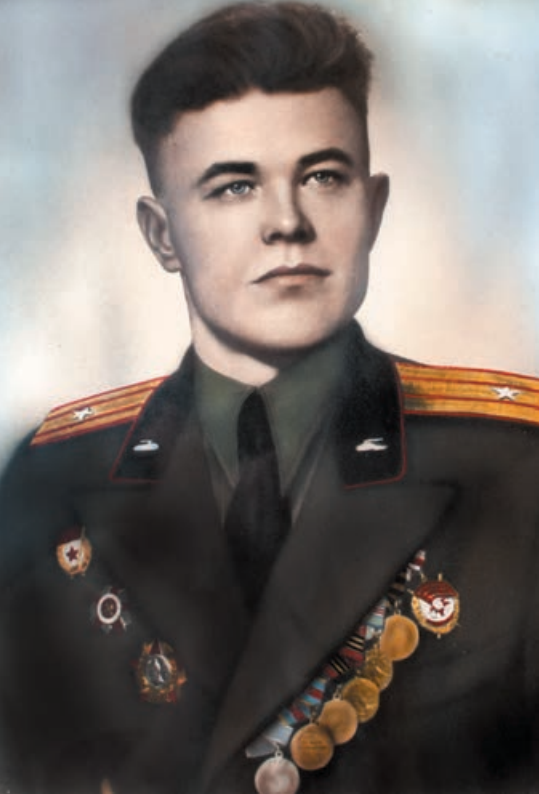
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты

Состоялась встреча студентов Политехнического института с ветераном Великой Отечественной войны Александром Петровичем Поповым.

Александр Петрович Попов

Его боевой путь начался в декабре 1942 года после окончания Пушкинского танкового училища. Воевал на Северо-Кавказском фронте в составе 85-го отдельного танкового полка (ОТП). С весны по осень 1943 года участвовал в освобождении Таманского и Керченского полуостровов. Тяжёлыми испытаниями на стойкость и зрелость стали штурм Сапун-горы и бои за освобождение Севастополя. За образцовое выполнение заданий командования в боях за Крым 85-му ОТП, единственному из всех танковых полков, было присвоено почётное наименование «Севастопольский». Личный состав был отмечен государственными наградами. Многим бойцам, в том числе и Александру Попову, чей танк Т-34 одним из первых ворвался в город, было присвоено звание

Александр Петрович Попов

«Почётный гражданин Севастополя».

В последующем полк вошёл в состав 1-го Белорусского фронта и в ноябре 1944 года участвовал в прорыве немецко-фашистской обороны на правом фланге 61-ой армии, в ожесточённых боях за освобождение Польши, в Восточно-Померанской операции, в боях на территории Германии.

С особой гордостью рассказывает ветеран о том, что 85-й ОТП в составе 3-ей ударной армии штурмовал Берлин. За успешные действия в Берлинской операции полк был награждён орденом Кутузова

и стал именоваться «85-ый отдельный Севастопольский Краснознамённый орденов Суворова и Кутузова танковый полк». Войну Александр Петрович закончил в Берлине 2 мая 1945 года. Награждён медалью «За взятие Берлина».

Вот как рассказывает ветеран о своих фронтовых буднях:

«Это была тяжёлая работа. Дым, копоть, пыль, взрывы снарядов — ко всему этому привыкаешь. Я был дважды ранен. Первый раз на Кавказе в станице Крымская перебило правую ногу. В мой танк попало сразу 5 снарядов. Механику отрубило 3 пальца, радисту оторвало руку. Заряжающий не пострадал и смог вытащить меня из горящей машины».

Второй раз ранило в грудь под Керчью. Но это на фронте обычное дело. Редко кому удавалось пройти войну и остаться невредимым. Когда танки переправлялись

на пароме с одного берега на другой, внезапно налетели вражеские самолёты и из пулемётов расстреляли полк сверху.

«На фронте, — продолжает Александр Петрович, — все подразделения, экипажи танков были интернациональными. И никакой национальной розни! Представители всех народов Советского Союза воевали достойно.

На войне свою задачу знаешь, но как сложится обстановка в бою, наперёд сказать трудно. И уже действуешь по обстоятельствам. Многое зависит от слаженной работы экипажа: от механика, наводчика, заряжающего и, конечно, от командира. Командир на поле боя должен видеть всё.

Наш отдельный танковый полк — НПП (непосредственная поддержка пехоты). А у пехоты большая проблема — танковая боязнь. В самом деле, нелегко, когда на тебя идёт 50, а то и 100 танков, да ещё и в 2-3 волны. Стреляют из пушек и пулемётов, глушат лязгом гусениц. Люди не вы-

держивают, начинают метаться или отступать. И это очень опасно. Если даже один солдат запаниковал, весь взвод теряет боеспособность».

С паникой боролись так: в тылу рыли траншеи, туда отправляли солдат, и на них посылали танки. И показывали, объясняли, что танк солдату в траншее не опасен.

«Историю своей страны, — говорит ветеран, — нужно знать: хорошая она или плохая, удобная или неудобная. Ибо больше она не повторится. И, какой бы она ни была,

Александр Петрович Попов

А. П. Попов с фронтовыми друзьями

её нельзя исказить. Вот сейчас можно слышать, что «мы воевали неправильно» Хочется спросить: «А ты ТАМ был?». Это надо прочувствовать каждой клеточкой своего тела, а уже потом делать выводы. Почему же тогда, если мы воевали неправильно, советский солдат оказался в Берлине? Потому что плохо воевал? Или у него были бездарные командиры? Да, были неудачи, серьёзные ошибки, но мы выстояли, мы победили! *И этой победы у нас не отнять никаким фальсификаторам! Мы, ветераны, гордимся своей армией, её боевыми заслугами».*

До войны много внимания уделялось патриотическому воспитанию молодёжи. В школах рабо-

тали Кружки: «Ворошиловский стрелок», «Параютное дело», Санитарная подготовка», «Противохимическая подготовка». Работала сеть аэроклубов, школьники сдавали нормы на значок ГТО. Всемерно воспитывались любовь к Родине и уважение к её Вооружённым Силам. Не служить в армии считалось большим позором, а уж уклонение от воинской службы, вообще, было делом неслыханным. Мальчики 17-18 лет с нетерпением ждали призыва и серьёзно к нему готовились. И если кого-то по разным причинам признавали негодным к воинской службе, это воспринималось, как личная трагедия. Ибо долг мужчины, воина — это защита своего дома, который называется Родиной.

А. П. Попов, отдав военной службе 28 лет своей жизни, уволился из армии в 1968 году с должности командира полка и с тех пор живёт в Новгороде.

За свои ратные труды награждён орденом Боевого Красного Знамени, орденом Александра Невского (в Новгороде живут все-

А. П. Попов с фронтовыми друзьями

го 3 кавалера этого почётного ордена), орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны 1-ой степени, Почётным знаком «За заслуги перед Великим Новгородом», многими медалями.

На вопрос из аудитории: «Какая награда самая памятная, самая дорогая?» А. П. Попов ответил:

«Они все одинаково дороги. Каждый орден имеет свой статус. Например, орденом Александра Невского награждается не каждый, только командир роты и выше. Я его получил за Берлин. Орден Боевого Красного Знамени — за станицу Крымская, орден Отечественной войны — получил за Керчь, орден Красной Звезды — за Варшаву».

Несмотря на возраст (89 лет), Александр Петрович ведёт активную жизнь. Общается с фронтовыми друзьями (увы, их осталось очень мало), участвует в общественно-политической жизни

города, был в Москве в составе официальной делегации на торжественной церемонии вручения Президентом страны грамоты о присвоении Великому Новгороду звания «Город воинской славы». Часто встречается с молодёжью, которая, к сожалению, мало знает о подвиге своих предков.

Ветеран выписывает через Интернет новые книги, много читает и охотно делится своими впечатлениями от прочитанного. Интересный, умный рассказчик, человек с молодыми глазами, хорошей, живой речью, отменным чувством юмора, оптимист и жизнелюб, он может часами рассказывать о своём боевом прошлом, о друзьях-однополчанах.

А поскольку на войне, как и в мирное время, люди тоже дружили, ссорились, влюблялись, попадали в нелепые ситуации, то в воспоминаниях ветерана рассказы о тяжёлых испытаниях перемежаются весёлыми историями, которых тоже было немало.

Александр Петрович ответил на многие вопросы студентов: «С какого возраста Вы решили стать военным?», «Удалось ли повоевать на тяжёлых танках?», «Сильно ли на фронте доставали снайперы?», «Как сложилась послевоенная жизнь?».

Д. А. Медведев вручил новгородской делегации Грамоту Президента о присвоении Великому Новгороду высокого звания «Город воинской славы»

Алла Филипповна
Булгакова

Зав. механико-энергетическим
отделением ИПТ

Не забыть и не простить

Для Василия Петровича Михеева, полковника КГБ в отставке, Почётного чекиста, лауреата Форума «Общественное признание», война длилась более тридцати лет после её окончания. Об этом и шла речь на встрече ветерана Великой Отечественной войны со студентами Политехнического института.

Вместе с 4-ой танковой армией Василий Михеев прошёл долгий фронтовой путь от Курской дуги до Праги. Участвовал во многих кровопролитных боях, освобождал узников Бухенвальда, встречался с союзниками на Эльбе. Награждённый многими боевыми орденами и медалями мотоциклист-разведчик 2-ой мотоциклетной роты после Великой Победы начал новую наступательную операцию по розыску и привлечению к ответственности государственных преступников, которые в годы войны уничтожили тысячи безвинных людей, сожгли на Новгородчине сотни деревень.

И все долгие годы работы в КГБ в его глазах стояла страшная картина из прошлого.

«Было это холодной осенью 43-го. Фашистский прихвостень Васёк Лихоманов скакал верхом на лошади и тащил за собой на верёвке мальчика лет пятнадцати: по кочкам, по грязи... Мы были в разведке и помочь ничем не могли, не имели права. Я уже тогда себе сказал: «Если не погибну до победы, всю жизнь положу, чтобы ни один гад-предатель не остался на нашей земле безнаказанным».

Мечта Михеева осуществилась. Тридцать лет Василий Петрович занимался розыском бывших эсэсовцев, карателей, изменников Родины, замаскировавшихся под чужими именами в разных кон-

цах света: в Западной Германии, во Франции, в США, Бразилии, Аргентине. Им были разоблачены 123 карателя.

В годы войны только на Новгородчине действовала целая сеть карательных команд: 667-ой карательный батальон «Шелонь», Волотовская полиция, отличавшаяся особыми зверствами и другие. Многим нацистским преступникам удалось бежать на Запад, где они порой достигали больших социальных успехов. Так, генерал Хойзингер, имевший непосредственное отношение к разработке карательных экспедиций, оказался на руководящих постах НАТО. Это его бесчеловечные инструкции с холуйским усердием выполняли в годы войны палачи вроде командира карательного батальона № 667 майора Шивека и его подручных. На их чёрной совести — тысячи загубленных жизней.

А обер-лейтенант Эрвин Шюле, лично участвовавший в расстрелах, казнях и избиениях жителей Чудовского района, по злой иронии судьбы в 1958 году возглавлял Центральное ведомство ФРГ по расследованию нацистских преступлений. В результате ряда официальных оперативных мероприятий оба преступника лишились своих постов.

В своих кровавых злодеяниях фашисты в качестве грязного орудия использовали предателей, которые лезли из кожи вон, выполняя приказы своих хозяев. Непрочно чувствовали себя враги на советской земле, кипевшей народным гневом. Потому и свирепствовали. Карателей, которых отправляли расстреливать советских людей, фашисты спаивали водкой, завлекали радужными перспективами будущего благоденствия.

Василий Петрович Михеев

Палач Хойзингер и его подручные были довольны своими холуями. Ещё бы: эти изверги множили список фашистских злодеяний. Они расстреливали только за то, что человек смотрит на мир открытыми глазами, а не пресмыкается перед оккупантами.

Чудовищные злодеяния гитлеровских захватчиков на нашей земле были направлены на истребление советского народа. Гитлеровское верховное командование разослало войскам наставление, которое требовало: партизан и мирных граждан, подозреваемых в связях с ними, расстреливать, а лучше вешать.

Фашистский полковник Финдайзен, лютовавший на Новгородской земле, отдавал приказ: пленных не брать.

В бесчеловечных преступлениях на нашей земле виноваты бывший командующий немецкой 16-ой армией генерал-фельдмаршал Буш, начальник штаба армии Ферч, командир карательных частей полковник Финдайзен, командир карательного батальона «Шелонь» Шивек и другие фашистские изверги, действовавшие по инструкциям генерала Адольфа Хойзингера.

Наиболее многоэтапной, сложной и растянувшейся во времени была операция по розыску преступников из 667-го карательного батальона «Шелонь». Зимой 1942 года каратели «Шелони» сошли на лёд реки Полисть и расстреляли 253 жителя деревень Бычково и Починок Поддорского района. Расправа над мирными жителями была беспрецедентна по своей жестокости. Деревни были обстреляны из миномётов, а затем каратели стали бросать в людей гранаты. Оставшихся в живых детей, женщин и стариков расстреливали из пулемётов почти в упор. И всё же некоторые после этой бойни сумели выжить. Они ползли по окровавленному льду и уцелели, чтобы рассказать о том, что случилось в то страшное Крещение — 19 января 1942-го года.

«Расследовать это преступление приходилось с необыкновенной скрупулёзностью, — вспоминает Михеев. — Мы искали документы о 667-ом батальоне в наших архивах, за рубежом. Тщательно просмотрели 40 уголовных дел на ранее судимых карателей. Преступники старались держаться подальше от родных мест, а ещё дальше —

от мест, где совершали массовые убийства. По этому делу мы допросили более 100 человек, составляли карты-схемы мест расстрелов, проводили эксгумации и экспертизы. В ходе этого расследования я впервые убедился, насколько наглы и циничны были эти люди, если их, конечно, можно назвать людьми. Нашим сотрудникам едва удавалось сдерживаться от гнева, когда преступники приезжали на допросы в военной форме с советскими орденами и медалями, добытыми несправедливым путём. Среди них был и Павел Алексашкин....».

Бывший старший лейтенант Красной Армии Павел Алексашкин сдался в плен в 1941-ом году и добровольно поступил на службу в карательный батальон «Шелонь». Был приближённым руководителя батальона и главного организатора преступлений А. Рисса, получал от немцев награды. Затем был осуждён, но, отбыв минимальный срок, поселился в Сибири, а затем — в городке Петушки. Как свидетель, Алексашкин был вызван в Новгород.

«Мы были в шоке, — вспоминает Василий Петрович. — Подумали даже, что кого-то не того по ошибке вызвали на допрос. Перед нами предстал человек в военной форме, но только без погон. На его мундир было прикручено несколько линий орденских планок, на другой стороне — значки с символикой Великой Отечественной войны. Мы стали уточнять... Нет, это тот самый каратель Алексашкин. Чтобы вытянуть из него показания, пришлось даже вывозить его на места расстрелов, иначе он от всего отказывался. А ещё больше ошеломил ответ на наш запрос ярославских коллег. Они сообщили, что Алексашкин, оказывается, числился участником ВОВ, через военкоматы получал награды, посещал школы, училища и вузы, где рассказывал молодёжи о своих «героических» делах. Местная власть выдала ему льготную ссуду на строительство дома, обеспечила стройматериалами. Ему сделали даже индивидуальное уличное освещение. В общем, жил Паша в Петушках припеваючи. Только после нашего вмешательства его лишили всех наград и разъяснили жителям города, кто он есть такой на самом деле...».

Одним из самых необычных розысков, до мельчайших подробностей запомнившихся Михееву, был розыск Михаила Иванова, уроженца Старорусского района, работавшего до войны надзирателем в Боровичской колонии.

«Он был призван в армию в начале войны, — рассказывает Михеев, — но попал в окружение, откуда бежал в родную деревню. Там немцы назначили его волостным урядником, потом перевели в посёлок Волот полицаем. В конце войны Иванов был переведён в карательный батальон. После Победы, скрываясь от ответственности за свои злодеяния, он постоянно менял биографические данные, жил по временным документам и мотался из одного конца Союза в другой. Найти его было непросто...».

Василию Петровичу пришлось шаг за шагом отслеживать всю жизнь Иванова.

«Оказавшись среди репатриантов, — продолжает ветеран, — он со своей подругой Софьей Стасевич поселился в Минской области. Уже в 1946-ом году был арестован за убийство, но при этапировании в тюрьму конвоиры «прозевали» его, и Мишка совершил побег. Его объявили во всесоюзный розыск. Под чужими именами колесил по стране. Настигли «путешественника» только в 1959-ом году. При задержании он возмущался, кричал, что, мол, ошиблись. Я показал ему фотографию, на которой он снят в немецкой форме. И... посадили-таки Иванова на 15 лет».

После войны многие каратели батальона «Шелонь» сумели скрыть свою причастность к расстрелам, и были осуждены только за пособничество. **Некоторых привлекали к ответу спустя десятилетия.** Так, разысканный в Ленинградской области Е. Вечер был приговорён к высшей мере наказания в 1983 году. Только по «Шелони» новгородским чекистам удалось выявить более 100 человек, а всего к уголовной ответственности было привлечено 840 карателей, предателей и изменников Родины, установлены за рубежом 1119 государственных преступников.

Но бывало и по-другому. Иногда чекистам удавалось выявить неизвестные до того факты мужества и героизма советских патриотов, а то и возвратить кому-то доброе имя.

Так советскую разведчицу Валентину Олешко оклеветали и подозревали в измене Родине. После изучения и анализа массы документов, показаний свидетелей и допросов арестованных германских агентов было установлено, что эта мужественная девушка предпочла смерть работе на иностранную разведку. Что означало во время войны пойти в разведчики-радисты? Для девушки или юноши это означало: самим шагнуть в тыл врага, имеющего мощнейшую карательную систему, оснащённую моторизованной, подвижной, передовой пеленгаторной техникой. Пойти в леса и болота, где на сотни вёрст — враги, где нет соседа ни слева, ни справа, а голос Большой земли — лишь мерцающий писк «морзянки».

Это могло означать только одно: великое самопожертвование во имя Родины. Кое-кому из нынешней молодёжи режут слух высокие слова, и они верят в них не больше, чем в сказку. А ведь всё это было с нами, с нашей страной, с прадедами тех, кто и в мирную армию идёт неохотно. А фронт... Не дай Бог нам с кем-нибудь воевать. Остаётся лишь надеяться, что судьба и на завтра припасла для нас мир. Ибо вряд ли мы теперь готовы к войне.

Правда, мы и в 41-ом к ней не очень-то были готовы. Но дух народа был крепок.

Что же касается подвигов разведчиков-радистов, то это вообще разговор особый. Читая архивные материалы военной разведки, не перестаёшь поражаться людям, избравшим такую крайне опасную работу. Они разбивались при десантировании и тонули в болотах, заживо горели в самолётах, гибли в боях с карателями и в застенках гестапо. Немало их пропадало без вести. Ведь тыл врага — не поле боя: некому помочь, вынести из-под огня, рассказать о подвиге боевого товарища.

А как же всё это выдержала хрупкая девушка, до войны мечтавшая стать артисткой?

Новгородскими чекистами были также дополнительно установлены обстоятельства трагической гибели члена Военного совета 2-й Ударной армии И. В. Зуева, преданы гласности героическая работа и обстоятельства провала Волотовской подпольной организации под руководством П. А. Васькина. Накануне 20-летия Победы по инициативе Управления КГБ участники подполья были посмертно награждены правительственными наградами.

Сейчас В. П. Михееву уже немало лет, но профессиональная память чётко хранит все эпизоды его розыскной контрразведывательной деятельности. Он помнит не только имена и фамилии военных преступников, но и названия деревень городов и районов, где они скрывались от возмездия, имена их родственников и даже их вымышленные имена.

А ведь чекистом Михеев стал неожиданно для себя. После войны, в 1947 году, он был направлен на партийную работу в Новгород; восстанавливал разрушенный город. Затем ему поступило предложение из Управления КГБ по Новгородской области: там оценили такие личные качества, как выдержка, ответственность, настойчивость, умение общаться с людьми.

Василий Петрович ответил на все вопросы студентов: «Не было ли обидно, когда найденный в результате 15-летних поисков преступник уходил от ответственности за рубежом?», «От чего люди предавали — от слабости или же от цинизма и врождённых садистских наклонностей?», «Чем сейчас занимаются органы безопасности?» и др.

Со своей женой Екатериной Алексеевной Михеев чуть-чуть не дожил до золотой свадьбы, вернее, она не дожила, оставила полковника одного коротать старость. Хотя, по правде сказать, стариком его назвать язык не повернётся.

Яркий, мужественный человек, В. П. Михеев и сейчас в строю: руководит ветеранской организацией ФСБ России по Новгородской области, занимается восстановлением чекистского музея, встречается с однополчанами и молодёжью, пишет книги, принимает участие в создании документальных фильмов.

Поражают разносторонность его интересов, творческое отношение к жизни. До недавнего времени, пока позволяло здоровье, предпочитал активный отдых: зимой — коньки и лыжи, летом — прогулки в лес. В плохую погоду — шахматы. Глубоко и тонко чувствующий природу, Василий Петрович увлекается фотографией. Его снимки животных и цветов всегда несут особое настроение, отражают редкую наблюдательность и чувство юмора автора. Михеев много читает, любит русскую и зарубежную классику, охотно перечитывает Белинского, Герцена, Добролюбова, в свои немолодые годы не перестаёт восхищаться поэзией — Пушкиным, Лермонтовым и особенно Есениным, любит гулять по родному городу, бывать в музеях, на выставках. Удивляет его знание архитектурных памятников Новгорода и области.

У Михеева, человека исключительного трудолюбия, слово никогда не расходится с делом. У него множество планов, задумок, идей, и, зная его неугомонность, обязательность и надёжность, можно не сомневаться — всё будет исполнено. А как бережно и с какой искренней заботой относится ветеран к своим настоящим и бывшим коллегам! Он помнит их семейные праздники и юбилеи, ежемесячно организывает для них экскурсии по памятным местам Новгородчины, в краеведческие и военно-исторические музеи.

Жизнь Василия Петровича Михеева — живой пример того, как можно на долгие годы сохранить ясный ум, человеческую красоту, психическое и нравственное здоровье. **Рецепт прост: надо с юности развивать в себе интеллект, искренний интерес к людям.**

Главные качества настоящего мужчины, считает ветеран, это патриотизм и преданность долгу.

Василий Петрович
Михеев

Час расплаты

Давно закончилась Великая Отечественная война, которая стала для нашего поколения тяжелейшим испытанием. Мы узнали голод и холод, много раз на фронтах смотрели в глаза смерти. Из нашей памяти никогда не изгладятся военные годы.

Мы, участники войны, затем ветераны чекистских органов, Богов В. М., Мистров Н. В. и другие, с годами всё чаще вспоминаем то страшное время. Никогда не померкнет у фронтовиков жгучая ненависть к подлым убийцам, зверски замучившим миллионы советских людей, стёршим с лица земли тысячи деревень, разрушившим наши города, уничтожившим бесценные памятники культуры.

Прошло много лет, но наша память и профессиональные обязанности вновь и вновь возвращали нас к событиям военных и послевоенных лет, к раскрытию тягчайших преступлений, совершённых изменниками Родины. Кровавые злодеяния фашистов и их пособников не должны были остаться безнаказанными. Мы это хорошо понимали.

Хочу поделиться воспоминаниями о некоторых уголовных и розыскных делах, к которым были причастны мои коллеги Богов В. М., Мистров Н. В., Кузнецников А. В., Подобин Л. Н., Смирнов М. Н. и другие сотрудники госбезопасности.

Пришлось немало потрудиться, чтобы восстановить справедливость, чтобы воздать должное преступникам, которые в трудное для страны время предали её, перешли на сторону врага, совершили кровавые злодеяния, убивая женщин, детей, стариков, и со звериным оскалом поливали кровью землю, на которой выросли.

За время долгого общения с изменниками Родины я понял, что эти люди не способны к состраданию. Их не трогали ни плач

детей, ни предсмертные стоны умирающих женщин. Попытаюсь показать это на конкретном фактическом материале и на своих личных впечатлениях от бесед с преступниками, свидетелями, экспертами. Много рассказывали следователи и оперативные работники о поведении обвиняемых и свидетелей событий. Поведение преступников, отрицавших очевидные, уже доказанные факты и события, вызывало удивление и возмущение.

В 1978 году было окончено предварительное следствие по уголовному делу № 21, в котором Павел Буров, Егор Тимофеев и Константин Захаревич обвинялись в массовых расстрелах в период их службы в 667 карательном батальоне «Шелонь».

Этот батальон действовал на территории Новгородской и Псковской областей в 1942-1943 годах под руководством присягнувшего на верность фашистам изменника Родины Александра Рисса. Рисс был садистом с извращённой моралью и извращёнными сексуальными наклонностями. Тех, кто ему чем-то не угодил, он стегал по спине резиновой плёткой. Соответственно, в батальон он подбирал людей, близких ему по характеру и садистским наклонностям. Именно такими были Буров, Захаревич, Измайлов, Иванов и другие.

Вот уголовное дело с обвинительным заключением передано в суд — Военный трибунал Ленинградского военного округа. Судебный процесс по делу

В. П. Михеев

Бурова и его сослуживцев проходит открыто. В зале огромное количество свидетелей и жителей Новгорода. Все внимательно слушают обвинительное заключение, затем начинается допрос обвиняемых и свидетелей.

Находясь в зале, анализирую и сравниваю поведение Бурова, Тимофеева и Захаревича на предварительном следствии и в судебном заседании. Ничего не изменилось: то же тупое упрямство, беспредельная наглость при даче показаний, жестокий цинизм.

Павел Буров был высокого роста, крупного телосложения. Руки мощные, жилистые. Лицо широкое, обрюзглое, каменно-невозмутимое, с «бульдожьей челюстью», острым недоверчивым взглядом. Вся его внешность выдавала упрямого, сильного характером человека, расчётливого в своих действиях.

Показания Бурова были всегда ценными. Иногда на допросах он досадливо гримасничал, как будто испытывал физические страдания от неприятных вопросов. С улыбкой на лице рассказывал, как они вылавливали укрывавшихся в лесах мирных жителей и водили их на расстрел. По показаниям свидетелей, почти ежедневно с наступлением темноты выводили людей к бане на расстрел.

Буров многократно лично конвоировал обречённых на смерть людей и принимал участие в расстрелах. Во время следствия его вывозили на места преступлений. Спокойно, обыденно, без видимого волнения рассказывал он, как им были задержаны в лесу около деревни Ковалёвка две женщины, доставлены в штаб и после допроса расстреляны с его участием возле бани. Одна из этих женщин, Маркова Татьяна, имела медаль «За отвагу». Эту медаль забрал себе Рисс.

Там же были расстреляны Буровым и другими карателями две девушки, 15-летний подросток, партизан и женщина с двумя малолетними детьми.

С горьким удивлением и возмущением слушали мы, как Буров хладнокровно рассказывал: «Да, мы вдвоём подошли к 18-лет-

нему парню и повели его за деревню на расстрел. Парень понял, что ему грозит, и попытался убежать. Я выстрелил из пистолета. Парень упал и повернул голову в мою сторону. Мой сослуживец сразу же добил его из автомата».

Свидетель Хитрова Полина (фамилия изменена), близко знавшая Бурова, рассказала, что **свои выходы на операции по розыску людей, скрывавшихся в лесах, он называл «прогулками»**. Известно, чем они заканчивались.

После таких «прогулок» Буров, Аксёнов и другие каратели вечерами собирались в так называемом «клубе» — большой землянке. Туда же на танцы и увеселительные мероприятия сгоняли девушек и женщин. Буров с ухмылкой приставал к девушкам, не обращая внимания на их протесты. Поскольку он отличался большой физической силой, то всякий, кто ему возражал, получал от него крепкую оплеуху. То же самое он продёлывал и с сослуживцами по батальону. Его «друзжки» при этом поощрительно смеялись — по душе им, видно, были подобные шуточки. Кличка у него была «железная рука».

Буров и другие обвиняемые знали, что не все их жертвы погибли. Они не видели их до суда и, естественно, понимали, что встретятся с ними в ходе судебного процесса. И эти свидетели, пострадавшие от рук карателей, тоже до суда с ними не встречались. Как же отреагируют Буров и Тимофеев на рассказы свидетелей?

Вот в суде дают показания люди, случайно оставшиеся в живых 19 декабря 1942 года во время расстрела карателями жителей деревень Бычково и Починок. Тогда от рук извергов погибли 253 человека: женщины, старики, дети.

Даёт показания Анна Николаевна Зверева. В то время этой чудом уцелевшей в страшном побоище свидетельнице было 9 лет. Трудно представить тот ужас, который пережила девочка.

Все присутствующие в зале суда притихли, затаили дыхание. Установилась напряжённая тишина, кто-то из женщин заплакал. Наблюдаю, как будут реагировать на эти показания Буров,

Тимофеев, принимавшие участие в массовом расстреле на реке Полисть.

Более подробно остановлюсь на показаниях Зверевой Анны, которая запомнила все детали трагедии до мелочей — так, как будто это произошло вчера. Вот её рассказ:

«19 декабря 1942 года каратели ворвались в нашу деревню. Бросили в наше окно гранату, но она не взорвалась. Тогда мать сказала: «Собирайтесь со мной, пойдём все на улицу». Первым вышел отец, за ним — моя сестра. Тут же, сразу около окопа, отца расстреляли. «Ты партизан», — только это мы и услышали. Сестру тоже сразу расстреляли. Погнали нас на большак, там стоял танк. Танк пошёл вперёд, мы все — сзади. Дети, старики, наши матери. Пригнали нас в деревню Бычково. Оттуда тоже всех жителей согнали на речку. Поставили танк, расставили пулемёты. Нас всех согнали на речку и сказали: «Вас всех сейчас расстреляем». Тогда мама попрощалась с нами: «Давайте, дети, ложитесь, мы сможем». И больше мы от неё ничего не слышали. Когда начали стрелять, мы все лежали. Я лежала, повернувшись к маме, её рука была на мне. Когда меня ранило, я перевернулась вниз лицом. Меня завалило трупами односельчан, мне было больно и страшно. Я крепилась, боялась хоть чем-нибудь обнаружить себя. Но каратели не спешили уходить с места расправы. Они высматривали, не подаст ли кто признаков жизни. Потом стали стрелять из танка. Тут уж пошла на лёд вода, и всё. Всё утихло. Потом они уехали. Некоторые, правда, ходили, пристреливали детей, кто вставал...»

Убедившись, что каратели ушли, раненые стали выбираться из-под трупов. Одни поползли к стогу сена на берегу, другие — в лес, третьи стали пробираться к соседней деревне. Раненая девятилетняя Анна осталась одна. Почти все её родственники погибли, но, к счастью для девочки, осталась жива её тётя. Она взяла с собой осиротевшего, обезумевшего от страха ребёнка и повела в деревню. Там они рассчитывали найти и заменить порванную одежду, забинтовать раны. Но от деревни ничего не осталось.

Догорали последние дома. Подошли к окопу, в последний раз посмотрели на отца и сестру, накрыли их и подались в лес.

То же самое произошло и в деревне Бычково. Горьки воспоминания о том дне выжившей после казни Михайловой Александры Яковлевны. У неё в тот день каратели убили двух малолетних детей и мать. Вот её показания на следствии в суде:

«Погнали нас всех большой дорогой. У меня один мальчик был маленький, седьмая неделька на второй годок. Володе было 3 года, а Гене, вот, пять лет исполнилось в Николу, как раз, когда расстреливали. У меня ребёночка развернули, а вот с Гени шапку сняли и пиджак сняли. Я заплакала и говорю: «Он замёрзнет, холодно». Они говорят: «Сейчас мы вас нагреем». Ну что ж, мы спустились на реку и стали один за другим, кто куда. Видим, ставят пулемёты. Я говорю: «Мамаша, давайте ложиться». Мы завалились на снег. И потом те, которые стояли, уже убитыми валились на нас. У меня мальчик был на руках, и стали его давить, этого мальчика. А Геня ещё жив был, и мамаша была жива. Потом Геня говорит: «Ой, бабушка! Меня ранило в ножку». Я говорю: «Молчи, сейчас убьют!». А потом, когда стали лёд пробивать с танкетки, мамаше попали в голову и в плечо осколки, и её сразу убило. И вдруг с берега от стога сена выскакивают, уже не помню сколько, двое или трое, с автоматами. И они сразу из нагана застрелили мужчину. Они его заметили и не упустили. Всех, кто просил: «Предайте смерти», стали добивать».

Трудно сказать, чего больше было у этих душегубов: цинизма или тупой жестокости. Не думали тогда фашистские изверги, что им придётся встретиться с жертвами глаза в глаза, держать ответ перед народом. Они совершили многочисленные кошмарные преступления.

Вот Буров, Тимофеев и Захаревич слушают в суде свидетельские показания Зверевой, Михайловой, Ивановой, Моховой и других. Подсудимые смотрят на жертвы своих злодеяний с нескрываемым отвращением. В адрес нелюдей раздаются гневные выкрики из зала. Буров с искажённым от ярости лицом беспрестанно

шевелит челюстью, с бешеным взглядом поводит головой то в сторону суда, то в сторону зала. Он, конечно, не надеется на какое-либо снисхождение — слишком чудовищны его преступления. Это он бегал среди трупов по льду реки Полисть и добывал из автомата раненых детей, женщин, стариков.

На предварительном следствии при проведении очных ставок с бывшими сослуживцами по батальону «Шелонь» Меркуловым, Поярковым и другими, а также в судебном заседании, Буров пытался ловчить, искать спасительные лазейки. Задавал многочисленные вопросы своим сослуживцам, стараясь всячески опорочить их в глазах правосудия, перевалить на них часть своей вины, стремясь доказать, что они ничуть не лучше. Его безумные, колющие глаза в упор смотрели на свидетелей, при этом он весь дрожал от ненависти.

Буров, находясь среди таких бандитов и убийц, как Рисс, Проклиенко, Гуревич-Гурвич, Аксёнов, Смирнов и других, тоже приобрёл криминально-жестокий, непредсказуемый, звериный характер. Ощущение полной безнаказанности привело Бурова к стремлению кровавадно мстить невинным жертвам и желанию любыми средствами захватить лидерство среди своих соотечественников по преступным делам.

По уголовному делу проходит Егор Тимофеев — среднего роста, лицо бесцветное, с низким лбом, взгляд бегающий, заискивающий. По характеру беспринципен, речь невыразительная, движения развинченные. На следствии прикидывался простачком: то был забывчивым, то якобы, не понимал, о чём спрашивают. Интеллектуальная неразвитость Тимофеева затрудняла ведение его допроса по фактам преступлений, совершённых им и другими карателями. Иногда свою вину Тимофеев пытался переложить на других: мол, он — жертва не в его пользу сложившихся обстоятельств. Внешне неказистый, Тимофеев был не в меру говорлив, но речь была бессодержательной и пустой. К чужим бедам он был безразличен. В общении со следователями вёл себя заискивающе, производил неприятное впечатление.

Этот нелюдь с тупым равнодушием убивал из немецкого пулемёта МГ-34 мирных жителей деревень Бычково и Починок на льду

реки Полисть с расстояния в 15 метров. Вот страшное по своему цинизму показание Тимофеева в суде: «Да, я стрелял в толпу. Приказали и стрелял. Я малодушный. Видел, падали люди. За чем убивал, не знаю». На реплику суда: «Неправда. Знал зачем, знал за что», он ответил: «Кофий немцы давали, масло, мясо, 22 марки платили. Землю отцу обещали дать».

Платой за предательство были Фашистский штурмовой знак и Восточная медаль, два десятка марок и «кофий».

Тимофеев пытался разыграть из себя такого тёмного, необразованного деревенского дурачка, который не ведал, что творил. Нет, ведал, да ещё как! О том, за что «новые хозяева» ценили его, говорит такой факт.

Когда батальон «Шелонь» нёс службу в ... , Тимофееву дали отпуск. Приехал он к отцу в Псковскую область при оружии, в форме. И тут не утерпел — задержал подростка Холодова по подозрению в связи с партизанами и жестоко его избил. Из всех сил отработывал ревностный служака получаемые от фашистов марки.

По-иному вёл себя на следствии и в суде третий обвиняемый — Константин Захаревич. Высокого роста, среднего телосложения, с ничего не выражающим бесстрастным взглядом, внешне всегда спокоен, скрытен. Вопросы долго обдумывал, а ответы давал осторожно, монотонно. Никогда не интересовался своей дальнейшей судьбой и судьбой своих родственников. Ни с какими просьбами не обращался. Иногда проявлял ко всему полное безразличие, но, как говорят, был себе на уме.

Этот каратель был включён в специальную разведывательную группу батальона «Шелонь». Туда направлялись только «достоинные», проверенные и хорошо зарекомендовавшие себя каратели. Перечень его преступлений также велик. Захаревич показал, как каратели — и среди них он сам — арестовывали восьмерых женщин, одна из которых была с грудным ребёнком. Женщины ловили рыбу в реке Полисть. Каратели отвели их в штаб деревни Алексино и у бани всех расстреляли, ребёнка тоже. Отобранную рыбу, около 30 кг, сварили и съели. Об этом он рассказывал спокойно, с паузами, вспоминая и смакуя детали.

В другом месте, у кладбища, задержанным старику и старушке приказали спуститься в яму, якобы, для того, чтобы поднять бочку, и предательски застрелили обоих в затылок из пистолета. Причём старушку убил Захаревич. Таким вот цинизмом отличались преступления этих карателей.

По показаниям свидетелей, Захаревич, без команды, первым выстрелил в партизана, вышедшего из обнаруженной карателями в лесу землянки. Первым он выстрелил и в другого партизана при встрече на мостике через канал, где было убито семь человек.

Список его преступлений можно продолжить, но и этого достаточно для того, чтобы его охарактеризовать. Сколько же нужно было иметь лютой ненависти к своему народу, необузданной жажды его истребления, чтобы вот так упиваться кровью беспомощных людей!

На следствии и в суде Буров и Захаревич старались убедить всех в том, что, попав в плен, они делали безуспешные попытки убежать к своим, но что каждый раз их ловили и возвращали

назад. Эти показания никому искренними не показались. Каратели всячески изворачивались и, как утопающие за соломинку, хватались за любую возможность облегчить свою участь.

Можно отметить ещё такие черты характера Захаревича — его мелочность и склочность. По решению суда он был приговорён к 15 годам лишения свободы в колонии строгого режима. А после окончания судебного процесса ещё долго писал во все инстанции жалобы, в том числе и на собственного адвоката, требовал возмещения ущерба.

Григорьев. Разведгруппа 667 карательный батальон «Шелонь»

Знакомлюсь с подлинными документами минувшей войны, в которых каждая строка — боль, гнев, утрата близких. Это результат карательных операций изменников Родины, перешедших на службу к фашистам. Трудно описать словами то состояние, которое испытываешь, возвращаясь к давним уголовным делам о расследовании их злодеяний.

Объявлен в розыск Измайлов Иван Григорьевич, активный участник 667-го карательного батальона. Оперативными мерами было установлено, что он неплохо устроился в курортном городе Пятигорске. Возбуждено уголовное дело, которое по окончании следствия передано в суд — Военный трибунал Ленинградского военного округа. Во время следствия и в судебном заседании Измайлов не раскаивался в совершённых злодеяниях, его не мучила совесть. Потеряв человеческий облик, он огрызался, насакивал на свидетелей. Своим поведением пытался провоцировать следователей, чтобы их скомпрометировать. Пытался увильнуть от фактов, ссылаясь на плохую память, или просто всё отрицал.

Из показаний многих свидетелей было известно, что каратели, в том числе и Измайлов, брали вещи расстрелянных жертв и одаривали ими своих близких. За служебное рвение, за верность оккупантам, Измайлов пользовался их особым расположением. Его быстро произвели в ефрейторы, потом — в унтер-офицеры, назначили командиром отделения, включили в состав разведывательной группы, состоявшей из отборных головорезов. Любил покрасоваться перед односельчанами, себя показать, ходил по деревне, выпитив тощую грудь с гитлеровскими наградами, среди друзей хвалился расстрелами мирных жителей, при этом особо смакуя подробности убийства женщин и детей.

Один из очевидцев, свидетель И. Максимов показал, что он не раз видел, как по прогону, что ведёт в Подсоблаево, вели людей на расстрел:

«Однажды я стоял у конюшни. Измайлов и ещё несколько карателей вели на расстрел семью. Это были старик

со старухой и женщиной с ребёнком. Раздались выстрелы, а через некоторое время каратели вернулись в деревню без арестованных...».

Свидетель П. Филиппова помнит, как Измайлов вместе с другими бандитами привёл в Алексино семью Ивановых. **К утру вся семья (муж, жена и четверо детей) были расстреляны, а одежда с них снята и принесена в деревню.** В ноябре 1942 года шестеро карателей, в том числе и Измайлов, в деревне Алексино вывели четырёх женщин и двоих детей к бане, поставили лицом к стенке и застрелили в упор в затылок.

Убийства, убийства, убийства.... Их много, они ужасающи. Суд и свидетели сорвали маску с преступника. Ему был вынесен суровый, но справедливый приговор. В нём была выражена воля народа, последнее желание павших от рук фашистских палачей, клятва оставшихся в живых — воздать по заслугам выродкам, совершившим тяжкие преступления перед Родиной.

Нет-нет, да и всплывают в памяти события, связанные с моей службой в органах государственной безопасности, розыск и расследование преступлений, совершённых изменниками Родины — участниками немецких карательных операций, предателей, агентов немецко-фашистских разведывательных и контрразведывательных органов. Дела эти достойны особого внимания и заслуживают того, чтобы рассматривать их под углом зрения сегодняшней действительности. Судите сами...

В период оккупации Вологовского района фашисты создали полицию, возглавлявшуюся Молотковым Дмитрием — ярым и непримиримым врагом Советского государства. Вместе с ним пристроился и другой ставленник — Мановский Пётр, агент тайной полиции (ГФП).

В районе активно действовали партизаны, росло патриотическое сопротивление оккупантам. Патриоты объединились в организацию, возглавляемую Васькиным Павлом Афанасьевичем.

Для борьбы с партизанами и патриотами фашистская оккупационная власть с помощью Молоткова, Мановского, Кирсанова и других создали, так называемые, «местные полицейские службы» в каждом населённом пункте.

В деревне Селиваново, на границе с Дновским районом, окружённым лесами и болотами, был создан опорный пункт из двух полицейских — местных жителей. Один из них — Лукин Николай, 1913 года рождения. Обоих вооружили винтовками, обозначили полицейскими нарукавными повязками. В их обязанности вменялось: выявлять в своей местности патриотов и, устанавливая их связи и немедленно сообщать немецким властям для последующего ареста и расправы.

В 1944 году район был освобождён от оккупантов. Одни преступники бежали вместе с немецкими войсками, продолжая участвовать в боях против Красной Армии. Другие укрывались в различных районах страны и за рубежом. Многие изменники Родины были разысканы и осуждены за совершённые злодеяния. А вот Лукин Н. почему-то никуда не бежал. Видимо, надеялся, что о нём ничего не знают, а потому не тронут. Но случилось непредвиденное. После проверки на него были собраны материалы о его службе полицаем, и его намеревались арестовать.

С этой задачей в деревню Селиваново прибыла опергруппа, возглавляемая Алфёровым из 4-го отдела УМГБ. Лукина задержали, предъявили ордер на арест. Время было вечернее. Опергруппа пошла арестовывать другого полицая, забрав с собой и Лукина. По пути Лукину удалось сбежать и скрыться на одном из огородов в картофельной ботве. Задержать его тогда не удалось. Он был объявлен в розыск. Длительное время о нём не было никаких известий. Затем пошли слухи, что Лукин скрывается в лесу вблизи деревни, где проживают его жена Анастасия и дети. Иногда скрытно появляется в деревне и кое-что делает в своей семье по хозяйству, а у Анастасии появляются на свет маленькие дети. Для перепроверки этих сведений были использованы оперативные возможности «Сорокиной», проживающей в соседней деревне Костыгово. Она стала общаться с Анастасией и точно узнала, что Лукин жив и скрывается в лесу.

Учитывая, что Лукин, будучи полицаем, особо тяжких преступлений не совершал, было принято решение прекратить его уголовное преследование и вывести его на легальное положение, потому что нелегалы такого типа могут быть опасными и начнут совершать другие преступления.

Вместе с начальником РОМГБ АСФ верхом на конях, через деревни Славитино, Должино, Костыгово добираемся до удалённой деревни Селиваново. В деревне остановились у бригадира, предложили ему вместе с нами посетить Анастасию. Зашли в избу, Анастасия занервничала, стала метаться по дому, хватать на руки детей: то одного, то другого. Наконец, немного успокоилась. Мы ей предложили сообщить мужу, чтобы он выходил из леса — его арест отменён. По её поведению было видно, что она этому не верит и не знает, где находится Николай. Кто-то из нас спросил, от кого у неё маленькие дети. Она указала на бригадира, что, мол, дети от него. Между ними началась перебранка. Оказалось, что бригадир неоднократно видел Николая, приходившего в деревню. Через некоторое время вновь встретились с Анастасией. Она повторила, что не верит нам и боится ареста мужа. Мы повторили наше требование — Николай должен выйти из леса. В противном случае устроим на него облаву. Спустя какое-то время Лукин всё же вышел из леса и начал работать в колхозе.

В 60-е годы вели розыск и следствие по карателям Вологовской полиции Богов Василий Михайлович и я. Однажды в поселковой столовой ко мне подошёл мужчина и назвался Лукиным Николаем. Он выразил благодарность органам госбезопасности за гуманное к нему отношение. Вот такая история произошла с Лукиным.

Вот ещё одна, более драматичная, история, произошедшая с другим карателем-нелегалом на территории Белебелковского (ныне Поддорского) района Новгородской области.

В период оккупации Белебелковского района там дислоцировалось несколько карательных органов фашистов, в частности, 4-я

рота 667-го батальона «Шелонь» в деревне Петрово, ягдкоманда в деревне Бычково под руководством Лившица Станислава, «Отряды самообороны» и др. В этих подразделениях служили и местные жители — изменники Родины. В Белебелковском районе каратели совершили несколько тяжчайших преступлений в отношении мирного населения. Размещение карательных органов в этой местности было связано с тем, что вблизи действовала 2-ая партизанская бригада.

В одном из карательных отрядов служил Петров Дмитрий Николаевич, бывший житель деревни Ржаные Роги. Он принимал активное участие в борьбе с партизанами и патриотами.

Немецкие оккупанты в 1944-ом году были изгнаны из западных районов Новгородской области. **Вместе с оккупантами убежали их пособники.** Среди них оказался Петров Дмитрий Николаевич.

Сначала он скрывался в Латвии, но затем по каким-то причинам решил вернуться в деревню Ржаные Роги к родителям. Прибыл туда тайно. Знал, что находится в розыске за совершённые преступления. По совету родителей перешёл на нелегальное положение, устроился в болотистой местности около Куровского озера в хорошо замаскированной землянке. Имея ружьё, стал охотиться, а ещё собирал грибы и ягоды. Бывая тайно у родителей, часть добычи отдавал им, а остальное вывозил на продажу через станцию Дедовичи в Ленинград. Родители готовили ему хлеб и другие продукты, которые передавали ему во время тайных визитов. Иногда для него готовили баню. И вот у него случилась беда: после криминального аборта умерла жена.

Для решения задач по розыску Петрова Д. Н. мы привлекли местную жительницу Виноградову, имевшую доверительные отношения с его родителями. Поступили данные, что Петров стал «пошаливать». Одна местная жительница пожаловалась в милицию, что к ней на лесной дороге с недобрыми намерениями стал приставать незнакомый мужчина, у которого на одной руке не доставало нескольких пальцев. Было известно, что Петров потерял пальцы при взрыве немецкой гранаты. Это насторожило

розыскников. Вскоре от Виноградовой поступила информация, что, судя по поведению родителей, Петров должен появиться у них в определённый день.

Было решено устроить засаду. В деревню Карабинец прибыла группа захвата и в вечернее время пешим порядком направилась в деревню Ржаные Роги. Группа была вооружена, так как знали, что у Петрова есть ружьё. Оперативники расположились скрытно у бани Петровых возле скирд соломы. Через некоторое время услышали, как заскрипели лыжи (а дело было в начале марта), потом залаяла собака, и всё стихло.

Первая попытка поимки Петрова не удалась. Видно, почуял он что-то подозрительное и, как всегда в подобных случаях, не заходя в дом, убежал в лес. Вторую засаду организовали уже в апреле, так как узнали, что он придёт в баню перед Пасхой.

Сначала в баню прошли отец с младшим сыном, потом мать. Длительное время ничего не было слышно. И вот к бане прошёл мужчина, осторожно туда зашел.... Мы блокировали выход, крикнули: «Петров, выходи!», в ответ — тишина. Наконец, Петров подал голос и вышел из бани. Его сначала доставили в Белебелку, а затем — в Новгород. Провели предварительное расследование. Нашлись свидетели его преступной деятельности, да он и сам ничего не отрицал...

В этом розыске я принимал непосредственное участие. Поэтому так хорошо запомнились все детали.

В ходе розыска служащих Волотовской районной полиции сотрудники госбезопасности вышли на полицая Николая Фролова, переведённого затем в 654-й карательный батальон. Заинтересовало и другое розыскное дело, также на Фролова Николая, примерно того же возраста, в прошлом жителя Ленинградской области. Этот Фролов, ранее будто бы служивший в полиции, с группой агентов Бойценбургской разведывательно-диверсионной школы был переброшен через линию фронта в тыл Красной Армии. Розыск Фроловых и сбор доказательств решили вести по

объединённому делу, ибо анализ скудных сведений подсказывал, что это, вероятно, одно и то же лицо.

Поручили работу двум майорам, старшим оперативным уполномоченным: мне, Михееву В.П., и Богову В.М. Первый вёл сбор доказательств, второй — оперативный поиск. Просмотрели десятки уголовных дел на осуждённых агентов Бойценбургской школы. Один из них рассказал, что знаком с Фроловым по Бойценбургу и уточнил, что ранее тот служил в немецкой полиции в Волосовском районе Ленинградской области. В Волосово изучили массу материалов, провели много бесед, но никто из опрошенных не подтвердил этих данных.

Оперативным путём удалось напасть на след Фролова из деревни Вошкино Островского района Псковской области. Но тот ли Фролов? Сомнения оставались. «Этот человек, — рассказывал свидетель Ф. П. Щелоков, — отличался особой жестокостью. Он без всякого повода расстрелял Финогенова, убил братьев Крючковых». С помощью Ф. Щёлокова, З. Васиной и других свидетелей установили преступления изменника: многочисленные убийства истязания, грабежи, надругательства над мирными жителями. Долгие, трудные пути привели нас в Светлогорск Калининградской области, где монтером на ЛЭП работал Фролов.

Едем в Калининград. Чтобы не допустить ошибки при аресте, везём с собой свидетелей-опознавателей З. Васину и Ф. Щёлокова. При задержании Фролова провели все необходимые процессуальные действия, доставили его в следственный изолятор. Да, это именно тот человек, которого мы искали. Как обычно, нас всегда профессионально интересуют личности обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего, с которыми приходится иметь дело в ходе следствия.

Утром следующего дня в Калининград из Светлогорска прибыла жена Фролова, попросила передать ему продукты. Мы разрешили. Встреча супругов состоялась в следственном изоляторе в нашем присутствии. Таков был порядок. Запомнился её истеричный крик, обвинения в адрес мужа, который, по её словам, погубил семью, связавшись с фашистами. Тем не менее, Фролов, взял продукты, ничего не сказав в своё оправдание. В сопро-

вождении охраны садимся в поезд Калининград — Ленинград. В Луге нас должна встретить опергруппа. В пути беседуем на всякие житейские темы, а Фролов, развалившись на верхней полке, преспокойно жуёт привезённые женой колбасу, сало, консервы. Лишь однажды он обратился к нам: спросил, можно ли ему у проводницы купить бутылку пива, в чём ему было отказано. Тогда мы ещё не знали, что на следствии он нам доставит немало хлопот.

Чтобы доказать вину Фролова, потребовались неопровержимые доказательства, убедительно подтверждающие его виновность. Его длинный преступный путь — полицей, каратель, фашистский агент — надо было подтвердить показаниями свидетелей, документальными данными, осмотром мест происшествий и т. д.

Усилиями оперативных работников и следователей собраны доказательства его вины — доказательства довольно внушительные и страшные. Это он и другие полицей по заданию Мановского Петра, резидента ГФП (тайной полевой полиции) арестовали и расстреляли патриотов Волотовской подпольной организации, руководителем которой был коммунист П. А. Васькин. Причём для устрашения населения всё это делалось открыто. Чтобы все понимали, кто теперь властелин и хозяин и что пощады никому не будет.

В деревне Красный Луг Белебелковского района поставили к стенке дома Васину Зинаиду Терентьевну с двумя её малолетними детьми и поверх голов стали стрелять из автоматов и винтовок, требуя сказать, где ее муж. Женщина в одночасье поседела. В этой операции участвовал и Фролов. Ничего не добившись, унесли из дома последние вещи.

На следствии и в открытом судебном процессе, который состоялся в Старой Руссе в 1960 году, Фролову задавали вопрос: каковы мотивы его поступков? Ответ: **«Убивал без всякой определённой цели, а просто, чтобы убить и позабавиться».**

Накануне 20-летия Победы по инициативе Управления КГБ участники волотовского подполья были посмертно награждены правительственными наградами. По судебно-следственным

материалам журналист В. М. Лукин, бывший сотрудник органов безопасности, написал документальную повесть «Подполье возглавил Васькин».

Для сбора доказательств, при расследовании любого уголовного дела, мы активно используем оперативные возможности, современные тактические приёмы, научно-технические средства. В связи с этим характерно уголовное дело на Петра Тестова. Главными проблемами в деле были ограниченная свидетельская база — потеря очевидцев злодеяний и давность совершённых преступлений.

Оказавшись в плену, Тестов добровольно поступил на службу в лагерную полицию. Затем перевёлся в карательное формирование, где принял присягу на верность гитлеровской Германии. На территории Новгородчины в 1943-1944 годах он неоднократно принимал участие в карательных операциях против партизан и местного населения. Эти операции сопровождалось убийствами, истязаниями людей, грабежами и сожжением деревень.

Служащие специального формирования — ягдкоманды-38 провели 26 ноября 1943 года с участием Тестова карательную операцию в отношении жителей деревень Доскино, Танина Гора и Торчиново Батецкого района. Это были в основном старики, женщины, дети, которые, скрываясь от угона в Германию, ушли в урочище Пандрино.

*Петр Алексеевич Тестов. Каратель ягдкоманды-38
армейского немецкого корпуса*

Каратели напали на лесной лагерь мирных жителей, окружили его, а тех, кто пытался бежать, убивали на месте. Изверги согнали из землянок всех людей к помещению для скота, вталкивали в него поочерёдно и расстреливали, а 19-летнюю Александру Карасёву и её сестру Екатерину разорвали заживо, привязав за ноги к наклонённым деревьям. В общей сложности каратели убили более 130 человек. Уходя с места преступления, они сожгли постройки с трупами убитых. Тестов лично убил из автомата несколько человек. Активный каратель продолжал службу у немцев до весны 1945 года.

Извлечённое из немецких архивов трофейное немецкое дело содержало отчёты и донесения, документально раскрывавшие деяния ягдкоманды-38: борьбу с партизанами, прочёсывание местности, засады, сожжение построек, проведение обысков и облав. Приставка «ягд» подчёркивала охотничьи, истребительские функции. Ягдкоманды были созданы для подавления партизанского движения и усмирения мирного населения.

Розыск Тестова шёл трудно, а в последующем и вовсе затянулся из-за отсутствия взаимопонимания с оперативными работниками другого органа КГБ. Как потом выяснилось, Тестов давно уже проживал и работал именно там, где мы его искали. Будучи по возрасту пенсионером, обзавёлся подложными документами и выдавал себя за инвалида Великой Отечественной войны, лечился в ветеранском госпитале, получал соответствующую пенсию и даже был награждён медалями «За победу над Германией» и «20 лет Победы».

После ареста Тестов уклонялся от дачи правдивых показаний, ссылаясь на потерю памяти. Были проведены амбулаторная и стационарная экспертизы. Впервые в нашей практике проводилась судебно-психиатрическая экспертиза. Однозначный ответ гласил: «Тестов вменяем, его поведение — это защитная реакция, может давать показания».

Свидетелем по уголовному делу проходил единственный оставшийся в живых очевидец случившегося в урочище Пандрино, тогда 14-летний Белов А. Д. На месте преступления были убиты его мать, и жена брата с двумя детьми. Ему самому нанесли удар

прикладом по голове, а затем по невыясненным причинам каратели оставили подростка в живых и постоянно держали при себе. При опознании Тестова по фотографии Белов впал в истерический припадок, кричал: «Это он, это он, это тот каратель, который стрелял». Пришлось вновь прибегнуть к услугам эксперта-психиатра, теперь уже в отношении свидетеля. Экспертиза не выявила у Белова отклонений и дала заключение, что он может адекватно осмысливать прошедшие события. В ходе предварительного следствия и в суде вина Тестова была полностью доказана.

Очень непростым было дело Лившица Станислава Ивановича, латыша, командира ягдкоманды, действовавшей в Белебелковском районе.

За совершённые преступления он был объявлен в розыск. Его нашли на территории Литвы, арестовали и этапировали в Новгород для проведения предварительного следствия.

Перечень злодеяний Лившица очень велик. Он славился дикими выходками в отношении мирных граждан и чудовищной жестокостью. Это убийства, истязания, надругательства над людьми. Ради потехи мог бросить в окно дома боевую гранату, что заканчивалось трагически для жильцов.

Лившиц приговорён судом к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведён в исполнение.

В розыске Лившица и документации его преступных деяний вместе с другими сотрудниками участвовал и я. Запомнился трагический случай на предварительном следствии. Для допроса свидетелей по делу о трагедии в деревнях Бычково и Починок в Белебелковский район был направлен старший следователь следственного отдела УКГБ Михайлов Алексей. Мне предложили выехать одновременно во Псков и там поработать в архиве, где хранились фашистские издания, в частности газета «За Родину». В этой газете описывались «подвиги» Лившица.

Вернувшись из Пскова, я узнал, что следователь Алексей Михайлов во время командировки исчез. Была направлена опера-

тивно-розыскная группа, в состав которой вошёл и я. Группу возглавил заместитель начальника Управления КГБ Веселов Иван Мефодьевич. В составе группы были оперативные работники уголовного розыска УВД — Манухин, Уткин и другие. При опросе жителей деревни Бычково было установлено: в доме, где Михайлов остановился на ночлег, остались его портфель с документами, пистолет. Сам же он пошёл взглянуть на вечеринку, устроенную молодёжью в одном из домов. И когда он не вернулся на ночлег, забили тревогу.

Выдвигались разные версии исчезновения Алексея. Осматривались дворы, колодцы, окрестности, опрашивались жители соседних деревень, проводились другие розыскные мероприятия и следственные действия. Но пока результат был нулевой.

Тогда же жительница деревни Березина рассказала, что житель деревни Бычково Иван Николаев перед праздником «Зимний Никола» ездил в посёлок Дедовичи Псковской области и вместе с другими покупателями привёз три фуфайки, одну из которых взял себе, вторую отдал жене, третью — матери. После праздника мать стала искать новую фуфайку, но не нашла. Во время праздника в их доме побывал житель Карабинца Ефимов Егор. Вместе с Николаевым они пили самогонку. Ефимов был в старой фуфайке, а потом оказался в новой. Провели негласный обыск в доме Ефимовых — старой фуфайки не обнаружили. Это насторожило следственно-оперативную группу. Решили Ефимова задержать, так как были получены данные о его службе во время войны в карательном отряде. Ефимов оказался трусоватым, и сразу же рассказал, как они с Николаевым убили Михайлова. Вышли они из дома, уже было темно. Увидели идущего Михайлова, остановили его, попросили закурить. В этот момент Николаев чем-то тяжёлым ударил Михайлова по голове. Михайлов упал. Ефимов снял с себя фуфайку и ею обернул голову убитого, чтобы не осталось следов крови. **Труп дотацили до реки Полисть и сбросили в воду с кромки льда, а сами пошли допивать самогонку.**

Задержанный Николаев в камере Белебелковской милиции до отправки в Новгород пытался перерезать себе вены на руках. Пришлось надеть наручники. Как потом выяснилось, Николаев

служил в «РОА». Оба преступника были осуждены. Николаев отбывал наказание в одном из лагерей в Средней Азии и при невыясненных обстоятельствах был убит другими заключёнными. Ефимов, отбыв наказание, вернулся в деревню Карабинец. Но как-то пошёл в баню и погиб от удара электрическим током. Такая судьба выпала на долю предателей.

Передо мной лежит карта Новгородской области. Невольно взгляд притягивает Поддорский район, и вспоминаются события давно ушедших лет — моя оперативно-розыскная работа в тех местах. Запомнились многотрудные поездки по плохим дорогам в любое время года: приходилось ездить и осенью, и зимой. С огромными усилиями добирался до Поддоря, а дальше шел пешком до нужного населенного пункта, и лишь изредка удавалось поймать попутку.

Но эти трудные поездки были необходимы: в 1950-1960 годах мы проводили в Новгородской области оперативно-розыскную работу по поиску опасных преступников, пособников фашистских оккупантов.

Благодатный и живописный Рдейский край, с болотами и островами, на которых я впоследствии бывал много раз, произвёл на меня большое впечатление. Недалеко от Рдейского озера расположены деревни Острова, Высокое, Шапково, Какачево. Добраться до этих деревень, жителей которых называли «жихарями», можно было только от деревни Наволок, расположенной на дороге Поддорье — Холм. Далее — по гатевой дороге через Шапковское болото, не замерзающее даже в крепкие морозы.

Во время Великой Отечественной войны Поддорский район был оккупирован войсками 16-й немецкой армии. Фашисты квартировали в Рдейском монастыре и даже в соборе. Местные жители начали формировать партизанские отряды. Сама местность способствовала действиям сил сопротивления.

Для борьбы с партизанами фашисты, кроме специальных отрядов, использовали службы СС и СД, тайной полевой полиции

(ГФП), ягдкоманд, так называемые «Отряды самообороны», создаваемые из изменников Родины, дезертиров и местных жителей, враждебно настроенных к Советской власти. «Отряд самообороны», названный «Какачевским», был создан фашистами для борьбы с нарастающим партизанским движением. Руководил отрядом из 10-12 человек Сергеев Алексей Фёдорович по кличке «Боровень», его заместителем стал Трошков Иван Васильевич по кличке «Шкворень». Все они были вооружены винтовками и имели отличительные нарукавные повязки. В обязанности карателей входило выявление лиц, недовольных оккупационным режимом, обнаружение партизан и тех, кто им помогал.

Каратели этого отряда отличались особой активностью, старались всячески выслужиться перед «новыми хозяевами». Они избивали ни в чём не повинных мирных жителей, как они выражались «для остратки», участвовали в других преступлениях, а также в облавах на партизан.

При отступлении оккупантов из Поддорского района вся эта преступная свора бежала вместе с немецко-фашистскими войсками, боясь народного суда.

Перед органами государственной безопасности была поставлена задача — найти этих преступников. Конечно, мы понимали, что они скрываются под вымышленными именами и легендами. В 50-х годах розыскные дела «Какачевского отряда» были переданы мне. Раньше «Какачевским отрядом» никто серьёзно не занимался. В первую очередь нам было необходимо получить сведения о возможном местонахождении преступников от их родственников. Родственники же оказались после войны в различных районах Советского Союза. Мы занялись установлением родственных связей и оперативным наблюдением за родственниками. Таким образом, розыск Сергеева, Трошкова, Синицына, Барабанова, Невского и других преступников стал проходить целенаправленно и более активно.

Вскоре были получены первые результаты оперативно-розыскной деятельности. Мы узнали, что Иван Трошков скрывается в одном из районов Латвии. Для организации розыска я был руко-

водством командирован в Латвию. Вместе с местными оперативными работниками мы начали проверять полученные данные о Трошкове. В работу активно включились Бурбулис Евгений, Сарана и другие сотрудники латышского КГБ. И вот первый результат: есть такой Иван Трошков в Елгавском районе, живёт на одном из хуторов. Дальнейшая проверка подтвердила, что это именно тот преступник, которого мы искали.

В Новгороде вместе со следователями провели дополнительную проверку документов о преступной деятельности Ивана Трошкова и получили санкцию на арест. Меня вновь командировут в Латвию. Устанавливаем, что Трошков работает в строительной бригаде. Вместе с сотрудниками КГБ выезжаем в Елгаву и далее туда, где работает бригада. Трошкову предъявляем ордер на арест и в присутствии понятых проводим личный обыск и обыск в его доме на хуторе.

Затем Трошкова доставили в Ригу и поместили в следственный изолятор для последующего этапирования в Новгород. В ходе предварительных допросов мы смогли больше узнать о преступной деятельности членов «Отряда», однако Трошков не сказал нам ничего о возможном месте пребывания других карателей. С его слов, при приближении Советской Армии его сослуживцы по «Отряду» бежали с немцами, кто куда, не общаясь и не советуясь друг с другом.

Управление КГБ интересовалось, прежде всего, главарём «Отряда» Алексеем Сергеевым. Его поискам было уделено усиленное внимание. Сергеева объявили во всесоюзный розыск, приняли меры к установлению всех его родственников и подчинённых по «Отряду». И вот оперативные источники сообщили, что мать Сергеева среди односельчан распространяет слухи, будто её сын живёт в Елгавском районе Латвии и работает шофёром. Нас это сообщение заинтересовало, поскольку там же скрывался его сослуживец Иван Трошков, который, возможно, умышленно не сказал на следствии правды о Сергееве.

В Латвию был откомандирован Рябинин, ранее хорошо знавший разыскиваемого. Рябинин, по разработанной для него легенде, прибыл в Латвию для закупки скота для колхоза. Такая легенда

была в то время вполне правдоподобной. Вскоре туда отправляюсь и я, чтобы искать Сергеева совместно с оперативными работниками КГБ. Однако, несмотря на все усилия, найти его нам не удалось.

Но вот в деревню приехала навестить свою мать сестра Сергеева — Антонина. Ранее, до войны и во время войны она дружила с дочерью Рябинына — Марией. Антонина в доверительной беседе рассказала подруге, что её брат Алексей живёт не в Латвии, а в Зарасайском районе Литвы. Наблюдая за Антониной, мы выяснили, что она по каким-то делам действительно выезжала в Литву. Это нас заинтересовало. И вот снова поездка, теперь уже в Литву.

В Вильнюсе меня встретил оперативный сотрудник розыскного отдела. Вместе с начальником отдела мы обсудили все вопросы, касающиеся розыска Сергеева. Для совместной работы им был выделен оперработник, с которым мы выехали в Зарасай. Перед отъездом нас предупредили, что обстановка в районе очень тревожная — действовали остатки банды. А ведь было это уже в конце 50-х годов. Вместе с работниками райотдела КГБ проводим необходимые розыскные мероприятия в Зарасае, Южинтае, Камае и других населённых пунктах. Но результата нет.

Возвращаюсь в Новгород с тревожным чувством. Затрачено столько времени, средств, усилий, и всё впустую. С руководством отдела проанализировали все имеющиеся в деле материалы и пришли к выводу, что родственники Сергеева умышленно дезинформируют нас о его судьбе. Приняли решение сосредоточить основное внимание на изучении сестры Сергеева — Антонины, которая поселилась в молдавском городе Бендеры. При содействии КГБ Молдавии было достоверно установлено, что Антонина ничего не знает о местонахождении своего брата Алексея. Но работу по розыску Сергеева продолжали. Наши помощники Рябиныны сообщили, что дальняя родственница Сергеева получила письмо из Франции, в котором какой-то её родич просит сообщить матери Алексея, что Алексей жив. К сожалению, эти французские родственники (в 5-ом поколении) оказались почему-то вне нашего внимания. Через Рябиныных

удалось получить текст письма. Стало очевидным, что Сергеев скрывается во Франции.

Через соответствующие государственные органы (генпрокуратуру, МИД и др.) мы смогли узнать, что Сергеев живет во Франции и служит проповедником в одной из христианских церквей. В то время вопрос о выдаче Сергеева советским властям по каким-то причинам французскими властями решен не был.

Сегодня символами бессмертия подвига героев горят огни Вечной Славы. На площадях городов и сёл застыли в бронзе и граните бесстрашные солдаты Родины. Установлен такой памятник и в посёлке Лампово Ленинградской области. На нём среди других имён высечено имя советской разведчицы Валентины Иосифовны Олешко. Добрую память о ней и её героических делах восстановили новгородские чекисты. А дело об Олешко возникло так.

19-летняя разведчица Валентина Олешко

В Управление КГБ СССР по Новгородской области поступили протоколы допросов арестованного изменника Родины, агента германской разведки В. Шилина. В этих показаниях (позднее выяснилось, что Шилин был ещё и провокатором) упоминалась разведчица Валентина Олешко. Сообщалось, что Олешко, якобы, перешла на службу к противнику, и по этим данным **сразу после войны её объявили в розыск как изменницу Родины.**

Мы проделали огромную работу, изучили сотни различных документов, показания арестованных германских агентов и сви-

детелей, установили и опросили Хорсуна и других сотрудников разведки, готовивших Валентину Олешко для заброски в тыл врага. Стало ясно, что Шилин преднамеренно лгал. Нами были документально установлены следующие факты.

В августе 1942 года в Хвойнинском районе дислоцировалась эскадрилья Валентины Гризодубовой. Оттуда самолётом разведывательный отдел штаба Ленинградского фронта забросил в Гатчинский район, оккупированный немецкими войсками, парашютистов — разведчиков. Руководителем одной из групп была 19-летняя разведчица Валентина Олешко.

Прошли сутки, но условный сигнал по радиции от группы не поступил. Группа на связь не вышла. Ещё долго операторы радиозвеньев Ленинградского и Волховского фронтов искали в эфире позывные Олешко. Но радиция молчала. От Валиной группы не было никаких известий.

Через месяц стало известно, что все 9 человек её группы схвачены контрразведкой 18-ой армии группы войск «Север».

18-я армия вермахта в августе 1941 года заняла Красное Село, Гатчину, Павловск, Пушкин, подошла вплотную к Ленинграду и блокировала его. В этих местах фашисты продержались почти три года до окончательного их разгрома и снятия блокады в январе 1944 года. В посёлке Лампово Гатчинского района разместились отдел контрразведки 18-ой армии и его шеф — майор Вакербард. Разведгруппа Вали Олешко должна была внедриться в немецкую агентурную группу. После провала разведоперации пленных парашютистов доставили в Лампово.

Как получилось, что ребят, спрыгнувших на условный сигнал — пять костров — встретили переодетые офицеры Абвера?

Удалось установить, что наша разведка сначала направила под Гатчину резидента, которого взяли абверовцы. Резидент, не выдержав пыток, рассказал, что скоро туда же будет заброшена разведгруппа. Дальнейшая судьба резидента неизвестна. Но провал группы случился именно по его вине.

Ребята со дня на день ждали допроса, пыток и казни. Но их никто не допрашивал. Напротив, через две недели их освободили из-под стражи, выпустили из тюрьмы и поселили в одной из поселковых изб — предоставили возможность жить в тылу у немцев. Пленные были в недоумении: ведь они не давали для этого никаких оснований.

Слева Валя Олешко

Каждый понимал, что это неспроста, что фашисты попытаются их завербовать и привлечь к активной работе. И никому не пришло в голову, что вербовка уже идёт полным ходом. Видимо, Валя поняла это первая. И вскоре ей действительно предложили работать на немецкую разведку, но она отказалась. Спустя месяц пленным выдали пропуск, будто бы для перемещения по территории после комендантского часа. Похоже, ребят уже считали немецкими агентами, хотя они не давали на это ни согласия, ни подписки. И вновь у Вали мучительные раздумья — что делать?

У молодой разведчицы возникает дерзкий и полуфантастический план: выкрасть у начальника контрразведки секретную папку со списками агентуры в Ленинграде, а его самого захватить живым на лесной дороге, когда он поедет на встречу с командующим 18-ой немецкой армией. Затем шефа контрразведки доставить к вызванному по радиции самолёту и переправить через линию фронта к своим. Если самолёт не сможет взять всех участников операции, то часть из них останется в лесу и попробует пробиться в партизанский край.

Полгода группа Вали Олешко в тылу врага вела радиоигру с асами немецкой разведки. Смелая операция была назначена на 5 марта 1943 года. Всё было подготовлено — расчищена площадка в лесной глуши для самолёта, установлена связь с радисткой, работающей в Нарве на конспиративной квартире. По Валиному сигналу нарвская радистка должна была вызвать самолёт. Но сигнала не последовало.

Находясь в стане врага, Олешко сумела привлечь на свою сторону других военнопленных, не желавших служить фашистам. Но среди них оказался действовавший провокационно немецкий агент, и по его доносу все участники заговора были арестованы. Ранним утром молодых разведчиков вывели на расстрел. За то, что Валя, даже находясь в плену, выполняла свою миссию разведчицы, немцы отплатили ей сполна — запустили «утку», что она работала на Абвер. Вот отсюда и пошло в послевоенное время — «предательница»! Пока не разобрались в этом деле новгородские чекисты.

Девушка была расстреляна под местечком Дружноселье Гатчинского района Ленинградской области и похоронена в братской могиле. Посмертно (через 30 лет) награждена орденом Красного Знамени.

Десять лет спустя после той казни, просматривая следственные дела на изменников Родины в годы Великой Отечественной войны, я обнаружил копии приказов немецкого командования, в которых упоминалось имя Валентины Михеевой, моей однофамилицы. 19-летняя девушка значилась как резидент агентурной разведки НКВД. По моей просьбе были подняты секретные данные на этого агента. В учётной карточке, которая хранилась в Центральном архиве КГБ, стояла запись, сделанная в 1943 году «Связь с группой не установлена. Судьба членов группы неизвестна. Предположительные данные: захвачены в плен контрразведкой 18-ой армии». И была в ней ещё одна особая отметка: «Не исключено, что совершено предательство. Проверить».

Действительно в течение 24 часов на связь после заброски в немецкий тыл вышли все, кроме Валиной группы. Лишь через месяц поступают сведения: разведчики захвачены Абвером. Всё как бы сходилось: состав группы, имя и возраст командира, не совпадала лишь фамилия. У немцев Валя значилась как Олешко, а в учётной карточке в разведывательном центре — как Михеева.

Мало ли разведгрупп было заброшено в тыл к врагу? У офицера оперативно-следственного отдела и так много работы. Где взять время на исследования архивных данных? Но я решил установить истину.

Меня больно задело, что у предательницы моя фамилия. Тут ещё сыграл роль мой принцип — везде и всюду доходить до самой сути. Мне казалось, что здесь что-то не так, может быть, заблуждение или даже ошибка писаря... Слишком много нестыковок в этом непростом архивном деле «предателя Родины Валентины Олешко».

Мне на память пришло одно обстоятельство, связанное с судебным разбирательством изменника Родины Валентина Шилина... Поиски вывели нас на следственное дело другого карателя — служившего в немецкой полиции Валентина Ключкова. Оказалось, Ключков был вовлечён Валею в группу по осуществлению своего дерзкого замысла. Ключков сначала согласился идти со всеми на рискованный шаг. Они с Валею вместе поехали в Нарву, где Олешко должна была установить связь с радисткой.

Как выяснилось, именно Ключков поставил в известность о предстоящем заговоре немецкое командование. На следствии он уверял, что зондерфюреру Майснеру и так всё было известно и принимать какие-либо меры, чтобы предупредить участников группы было поздно. Однако нами было установлено, что Ключков сам явился в комендатуру и именно он предал группу.

Путём сопоставления свидетельских показаний мы установили, что Михеева и Олешко — одно и то же лицо. И всё же мы не отбрасывали полностью подозрения в том, что она перешла на сторону Абвера. Оставалось установить дальнейшую судьбу Вали.

Наконец в руках чекистов оказался секретный приказ от 5 декабря 1943 года. Из него следовало, что Олешко приняла участие в антифашистском заговоре и была расстреляна в марте 1943 года.

А какова же судьба Ключкова? Он был произведён в оберлейтенанты. К его фамилии немцы прибавили довесок Шварц. Ключков-Шварц щеголял в немецком мундире. Через какое-то время его переправили в знаменитую 5-ю партизанскую бригаду, где командиром был Карицкий, а комиссаром Сергунин. Однако миссию Ключкова партизаны уже знали: разведка получила необходимые сведения через внедрённого в немецкую комендатуру человека.

Валентин Клочков прибыл в отряд вместе с женой. Документы у них были в порядке. Их покормили и провели к самолёту. И уже в самолёте Клочков сообразил, что его «вычислили». Он, было, рванулся из салона, но вооружённый партизан преградил выход. Бывший полицейай был отправлен на Большую землю, чтобы предстать перед судом.

В настоящее время память бесстрашной разведчицы увековечена и на её родине, в городе Алейске Алтайского края: одна из улиц родного города Вали Олешко носит её имя. Жаль только, что её мама, Галина Семёновна, всего 2 месяца не дожила до восстановления доброго имени дочери.

Долгие годы она жила с клеймом матери «предательницы». Никто из земляков, по их словам, не верил, что Валя могла предать Родину. Говорят, что все были на её стороне. Да, были. Вернее, стали. Стали спустя 30 лет после войны, когда чекисты открыли правду.

У матери от Вали остались только три письма да фотография на столе. Никто не помог похоронить Галину Семёновну — ни партия (а она была коммунисткой), ни комсомол (комсомолкой была Валя). Всё понятно — мать предательницы. И никто не пришёл проститься. А ведь девушка не предавала Родину. Ею можно гордиться.

Мы установили, что Валя не пропала без вести, не перешла на сторону немцев, а честно выполнила свой долг перед Родиной. Сколько судеб, похожих на Валину, было в годы войны — неизвестно. До сих пор. Вечная им память.

Таким образом, иногда розыск приобретает совершенно другое звучание и общественное значение.

Но история о разведчице Вале Олешко на этом не закончилась.

У астрономов стало традицией называть открытые небесные тела именами сыновей и дочерей Отчизны, защищавших Родину. Так возник Космический мемориал. Сейчас в нём насчитывается около полусотни космических «памятников». По предложению

Документ:

«Уважаемый Василий Петрович. Научная коллегия международного планетарного центра, рассмотрев Ваше предложение и пойдя навстречу пожеланиям жителей города Алейска Алтайского края, решила присвоить небесному телу № 2438 имя Вали Олешко».

Телеграмма
из обсерватории

Цитата:

«Новой малой звездой, открытой советскими астрономами, присвоено имя бесстрашной разведчицы, отважной дочери России, комсомолки, истинной патриотки, действовавшей в тылу врага, Валентины Иосифовны Олешко (1924–1943), уроженки Алтайского края».

Из сообщения в газете
«Известия»

нию астронома, сделавшего это открытие, Татьяны Михайловны Смирновой, малая планета стала называться именем Вали Олешко: «Oleshko 1975 Vo2». Правда, этот астероид невозможно увидеть в телескоп малой мощности — только в мощные обсерваторские. Но всё равно, кружится в Космосе планета имени Вали! Не какая-нибудь «чёрная дыра»...

Алла Филипповна
Булгакова
Зав. механико-энергетическим
отделением ИПТ

И бьют снаряды по броне

31-го мая 2010 года участнику Великой Отечественной войны Василию Порфирьевичу Кудряшову присвоено звание «Почётный гражданин Великого Новгорода».

Своими воспоминаниями о войне и нелёгком послевоенном времени ветеран поделился со студентами Политехнического института:

«Родился я 7 декабря 1922-го года в деревне Красниково Буйского района Костромской области в крестьянской семье. Кроме меня, в семье было ещё двое детей: мои сестра Зоя и брат Михаил. Отец всю жизнь работал в колхозе. Мать успевала и в колхозе потрудиться, и по дому всё справиться. На её женских плечах держался весь дом.

Помню, как в 30-е годы во время голода, по дорогам бродили беженцы из пострадавших районов. У нас был неплохой урожай, и мы это время пережили сравнительно легко. Но на земле надо было много и усердно работать.

Несмотря на все трудности, родители стремились дать детям образование. Но высшее образование в семье получил я один.

Брат был ранен на войне. Потом работал трактористом, но недолго — вскоре умер от ран. А сестра после войны приехала ко мне в Ленинград и работала на заводе «Красный треугольник».

В 1938-м году после окончания семилетки Василий уехал в Ленинград, где жила сестра отца Анна Васильевна. Там продолжил учёбу в школе фабрично-заводского обучения (ФЗО) «Юный пролетарий» Октябрьской железной дороги. Одновременно учился

в вечерней школе № 52, что на улице Шкапина, недалеко от Балтийского вокзала.

Через год, после окончания школы ФЗО, устроился на работу по специальности — слесарем по ремонту автотормозов в паровозном депо. На своём первом рабочем месте хорошо себя зарекомендовал: был исполнительным, интересовался всеми новинками, учился у опытных рабочих.

21-го июня 1941-го года в ленинградской школе № 52 состоялся выпускной вечер. Выпускники собрались на набережной Невы у памятника Петру Первому. **Пели, танцевали, веселились, строили планы на будущее. А утром узнали — началась война.**

Через 10 дней Василий Кудряшов был призван в ряды Красной Армии и направлен на учёбу в 3-е Саратовское танковое училище.

Учебная программа в училище была построена так, чтобы будущий командир не только знал историю своей страны и Красной Армии, но был человеком грамотным, знал в совершенстве уставные требования, соблюдал военную дисциплину, подходил к выполнению боевого задания со знанием дела, принимал решения с учётом всех обстоятельств.

Курсанты получали знания не только по военным дисциплинам, но и по общеобразовательным: физике, химии, математике, технологии металлов.

«Я горжусь тем, — сказал ветеран, — что получил хорошие знания по тактике ведения боя, огневой подготовке и бро-

Василий Порфирьевич Кудряшов

нетанковой технике. Учёба в училище закалила меня физически, помогла выработать твёрдый характер, укрепила в желании смело идти на фронт для защиты Родины».

После ускоренного курса обучения в 3-м Саратовском танковом училище 1-го ноября 1942-го года Василий получил звание лейтенанта танковых войск, и в должности командира взвода был направлен под Сталинград. Свой первый бой провёл за освобождение города Калач.

«Калач, — вспоминает Кудряшов, — стал первым освобождённым городом в ходе Сталинградской битвы. За проведённый бой я награждён медалью «За боевые заслуги» — самой дорогой для меня, первой, наградой».

После Великой битвы на Волге немцы, надеясь вернуть утраченную инициативу, приступили к подготовке нового наступления — под Белгородом и Курском. По масштабам, ожесточённости и последствиям танковое сражение под Прохоровкой не имело себе равных в ходе всей мировой войны. Сегодня Прохоровка вошла в историю как третье ратное поле России, после Куликова поля (1380 г.) и Бородинского поля (1812 г.).

«Сражение длилось 12 часов. Ржаное поле совхоза «Комсомолец» было перемолото, перепахано с обеих сторон гусеницами танков. От грохота, разрывов авиабомб и снарядов давило перепонки, из ушей текла кровь. Танки шли на танки. Сильнейший удар потряс мой танк. Немецкий снаряд попал под башню. Меня оглушило и ослепило. Осколок снаряда попал в правый висок. Правая сторона лица сразу онемела. В бессознательном состоянии меня вытащили товарищи из горящей машины через десантный люк на днище танка. В сознание пришёл через 6 часов в медсанбате».

До сих пор стоит перед глазами страшная картина. В подбитом танке — пламя, в тесной кабине — раненый боец. Он самостоятельно не может выбраться из танка. Смотрит вверх, вызывает о помощи, а помощи нет... И он сгорает заживо. Для меня это до сих пор страшная душевная боль».

В октябре 1943 года шли тяжёлые бои за украинский город Кривой Рог. С нашей стороны не было артподготовки, подготовительные операции не велись. Улицы города узкие, неудобные для манёвра. Немцы располагали большими силами, Засели на чердаках, на крышах, в подвалах домов. Рота Кудряшова впервые увидела огнёмёты. **Несмотря на жестокое сопротивление, рота потеряла все 10 танков и 36 человек личного состава из 40.** В этом бою Василий Порфирьевич получил второе тяжёлое ранение — в правое плечо с переломом ключицы. В течение шести дней с неимоверными трудностями оставшиеся в живых бойцы выбирались из окружения. А в части их считали погибшими и уже заготовили похоронки. К счастью страшная весть не дошла до родных Василия: мама и сестра были в эвакуации.

В. П. Кудряшов
Первый секретарь Ленинского райкома
ВЛКСМ г. Ленинграда

«И о сотой доле того, что довелось испытать, пережить, — вспоминает ветеран, — не расскажешь. Каждый день — преодоление, крайнее эмоциональное и физическое напряжение. Нам было не до романтических приключений. После многокилометровых танковых маршей желание только одно: чуть-чуть отдохнуть, в бане промыться и ещё вдоволь воды напиться».

За три с половиной года на Степном, 2-ом Украинском и 3-ем Белорусском фронтах Кудряшов участвовал во множестве танковых боёв. И ни один нельзя назвать лёгким. Не счесть числа смертельных атак, количества вражеских танков, пушек, автомобилей, живой силы, уничтоженных его бойцами.

8 июля 1944 года — самый памятный день для Василия Кудряшова, последний бой с его участием. Под Вильнюсом взводу было поручено произвести разведку боем перед наступлением наших войск. Это значило: пройти перед противником, вызвать огонь на себя, засечь вражеские огневые точки, минные поля, определить конфигурацию оборонной линии противника, глубину и скорость течения реки, крутизну её берегов. Бой продолжался почти 2 часа. Задание было выполнено. И тут одна бомба угодила в танк Кудряшова. Он получил третье ранение — в левую ногу, потерял стопу.

Шесть месяцев пролежал в госпитале. И в 21 год стал инвалидом! Душевное состояние было тяжёлым. Перспективы дальнейшей жизни — туманные. С тяжёлыми увечьями, без профессии — как жить дальше? Но в госпитале работали удивительные люди — чуткие, внимательные, немало повидавшие за военные годы. Они сделали очень многое, чтобы Василий обрёл уверенность в себе.

А ещё в госпитале была богатая библиотека, много прекрасных книг. Юноша пристрастился к чтению, увлёкся трудами древнегреческих философов. Книги, написанные тысячи лет назад, помогли обрести душевный покой.

5 апреля 1945 года Кудряшов вернулся в Ленинград. Учился, работал, а в 1954 году был направлен на партийную работу в Новгород. Долгие годы работал на ответственных постах по восстановлению разрушенного войной хозяйства.

За свои ратные и трудовые подвиги В. П. Кудряшов награждён двумя орденами Отечественной войны 1-ой степени, орденом Красной Звезды, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Знак Почёта, тридцатью медалями.

Новгородцы хорошо знают этого красивого, интеллигентного человека с добрым лицом и тихим голосом. Обращаясь к студентам в заключение беседы, Василий Порфирьевич выразил уверенность, что героические страницы Великой Отечественной войны не забудутся, и призвал изучать историю своей страны, её военную историю, чтить память тех, кто разбил фашизм и поднял из руин наши города.

«Вечная память тем, кого уже нет с нами. Слава живым».

Василий Порфирьевич Кудряшов

Василий Порфирьевич Кудряшов

8 июля 1944 года стало для меня памятным днём. Этот бой под Вильнюсом стал последним с моим участием.

На огненной черте

Сталинградская битва — одно из величайших сражений Великой Отечественной войны, длившееся 200 дней и ночей, с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г.

Бои на дальних подступах к Сталинграду начались 17 июля. С немецкой стороны действовала 6-я армия. 31 июля ударная группировка была усилена 4-й танковой армией. Им противостояла 62-я армия советских войск. Несмотря на наше героическое сопротивление, противнику удалось форсировать Дон и к исходу 23 августа выйти к Волге севернее Сталинграда.

Самым тяжёлым для сталинградцев было 23 августа 1942 года. В 15.00 объявили воздушную тревогу: над городом, его центральной частью, появились тяжёлые немецкие бомбардиров-

щики. Начались массированные бомбардировки городских кварталов, в которых участвовало до 2000 самолётов. Взрывы страшной силы сотрясали воздух. Разрушены почти все крупные здания. Улицы города объаты пламенем, плавился асфальт площадей и улиц, бушевал огонь на самой реке, покрытой нефтью.

С 13 сентября в городе начались упорные бои. Немецкое командование предпринимало неоднократные попытки овладеть городом. Мучительная борьба шла за каждую улицу, каждый завод, каждый дом, подвал или лестничный проход.

В сентябре 1942 года положение наших войск было крайне тяжёлым. Немцы захватили почти всю центральную часть города. На ряде участков прорвались к Волге.

Ставка Верховного Главнокомандования была вынуждена пополнить наши войска свежими силами. Было принято решение сократить сроки обучения в танковых, войсковых, артиллерийских училищах.

К осени 1942 г. советские войска, действовавшие севернее Сталинграда, были усилены артиллерией, танками и авиацией. В Ставке ВГК начал разрабатываться план контрнаступления под названием «Уран». Его идея сводилась к тому, чтобы прорвать оборону противника на флангах немецкой группировки и затем сходящимися ударами со стороны Юго-Западного, Донского и правого крыла Сталинградского фронтов окружить её и ликвидировать. Контрнаступление было намечено на 19 ноября 1942 г.

1-го ноября 1942 года после ускоренного курса обучения в 3-м Саратовском танковом училище я был направлен в танковый полк, который находился в излучине Дона, вблизи города Калач, на должность командира танкового взвода.

Моему взводу было поручено поддерживать войска 159-ой стрелковой дивизии на её левом фланге; задача дивизии — не допустить немецкие войска в Сталинград, к окружённой 6-ой армией Ф. Паулюса, а также к городу Калач.

Перед боем командир полка полковник Васильев мне сказал: «Ты получил в училище хорошие теоретические знания, теперь должен подтвердить их в бою».

Бой за город Калач шёл 19 ноября с 8 утра до позднего вечера. Немцы упорно сопротивлялись. Бойцы 159-ой дивизии и танкисты полка, в составе которого принимал бой и мой взвод, остановили продвижение врага на город Калач.

В ночь на 23 ноября 1942 года Калач был полностью очищен от фашистов и стал первым освобождённым городом в ходе Сталинградской битвы. В этом бою моим взводом были подбиты три немецких танка, в том числе один — моим экипажем, четыре бронетранспортёра, были убиты десятки немецких солдат и офицеров.

За этот бой взвод получил благодарность от командира полка, а я был награждён медалью «За боевые заслуги». Эта медаль, полученная мной в первом бою, для меня самая дорогая.

Фронт был прорван на участках, обороняемых венгерскими и румынскими частями. Советские танковые группы стремительным броском вышли к Дону, захватили переправы и в районе Калача замкнули кольцо окружения. В «мешке» оказалась 300-тысячная группировка противника, которая после капитуляции 2 февраля 1943 г. прекратила своё существование.

В ходе Сталинградской битвы было нанесено поражение 48 немецким дивизиям и 3 бригадам, что составляло 20% всех немецких сил, действовавших на советско-германском фронте. Гитлер объявил в Германии 3-дневный траур. Победа под Сталинградом положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны.

В моих ушах и сейчас звучат заключительные слова последней сводки Верховного Главнокомандования о победе под Сталинградом: «В этот счастливый и в то же время тяжёлый час вооружённые силы чтят память своих погибших товарищей, мёртвые обязывают нас к дисциплине, повиновению и безусловной верности нашему Отечеству».

Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2010 года городу Калач-на-Дону присвоено звание «Город воинской славы».

С ноября 1942 года по июль 1944-го 5-ой гвардейской танковой армией проведено много боёв: после Сталинграда была Курская дуга, танковая битва под Прохоровкой. Мы освобождали в танковых боях города и сёла Украины, Молдавии, Белоруссии, Литвы. Всю войну я прошёл в одной и той же 5-ой гвардейской танковой армии, в той же бригаде и той же роте. Был трижды ранен в горящих танках, но после излечения опять возвращался в свою часть.

После великой битвы на Волге немцы решили взять реванш за поражение под Сталинградом и приступили к подготовке нового наступления. Для этого был избран центральный участок на Курском выступе. План операции немцы назвали «Цитадель».

Курская битва занимает в истории Великой Отечественной войны особое место. Она продолжалась 50 дней и ночей, с 5 июля по 23 августа 1943 года. По своему ожесточению и упорству сторон эта битва не имеет себе равных.

Общий замысел немецкого командования сводился к тому, чтобы окружить и уничтожить оборонявшиеся в районе Курска советские войска. В случае успеха предполагалось расширить фронт наступления и вернуть утраченную стратегическую инициативу. Для реализации своих планов противник сосредоточил мощные ударные группировки, которые насчитывали 900 тысяч человек, около 10 тысяч орудий и миномётов, до 2700 танков и штурмовых орудий, около 2050 самолётов.

Особые надежды возлагали немцы на новейшую технику: танки типа «Тигр» и «Пантера», штурмовые орудия «Фердинанд», самолёты-истребители «Фокке-Вульф» и штурмовики «Хейнкель».

Советское командование решило сначала обескровить ударные группировки врага в оборонительных сражениях, а затем перейти в контрнаступление. Начавшаяся битва сразу же приняла грандиозный размах и носила крайне напряжённый характер.

Наши войска не дрогнули. Они встретили лавины танков и пехоты врага с невиданной стойкостью и мужеством. Наступление ударных группировок противника было приостановлено. Лишь ценою огромных потерь ему удалось на отдельных участках вклиниться в нашу оборону: на Центральном фронте — на 10-12 км, на Воронежском — до 35 км.

Окончательно похоронило гитлеровскую операцию «Цитадель» крупнейшее за всю мировую войну встречное танковое сражение под Прохоровкой, которое состоялось 12 июля 1943 го года и длилось в течение 12 часов: с 8 утра до 8 часов вечера.

Для участия в сражении с обеих сторон были стянуты крупные танковые и механизированные соединения

В районе Прохоровки, где противник сосредоточил свои главные силы, героически сражались 5-я гвардейская танковая и 5-я гвардейская общевойсковая армии. Здесь на небольшом пространстве встретились около 1200 танков и самоходных орудий. До позднего вечера на поле боя стоял нескончаемый гул моторов, лязг гусениц. Горели сотни машин, тучи пыли и дыма заволокли небо. Противник, нанося свой главный удар в направлении Прохоровки и вспомогательными силами оперативной группы «Кемпф» против левого крыла Воронежского фронта, никак не ожидал, что на этом направлении встретится с 5-ой гвардейской танковой армией. В тот день гитлеровские войска, обескровленные и измотанные, были вынуждены перейти к обороне, а 16 июля начали отступать на исходные позиции.

Под Прохоровкой на ржаном поле совхоза «Комсомолец» приняла свой первый бой 5-я гвардейская танковая армия, в том числе и наша 53-я бригада. Мне было поручено возглавить командование ротой. Перед самым сражением танковая армия своим ходом в страшную жару по запылённым просёлочным дорогам прошла 280 км от пос. Острогожска в район Старого Оскола. Это было 7-го июля 1943 г. А затем наша бригада преодолела путь ещё в 100 км: от Старого Оскола до Прохоровки.

Несмотря на тяжёлые условия движения, высокую запылённость воздуха, перегрев моторов, соединения армии в назначен-

ное время прибыли в указанный район. Войска армии в течение трёх суток завершили перегруппировку своим ходом на расстоянии 330-380 км, сохранив свою боеготовность, что впоследствии подтвердилось ходом встречного танкового сражения.

В 8 часов утра 12 июля 1943 года подан сигнал к атаке. 5-я гвардейская танковая армия вступила в бой. Навстречу нам двигалась армада гитлеровских танков.

Немецкие «Тигры» и «Пантеры», тяжёлые и неповоротливые, имели малую скорость. Перед нами поставлена задача — на максимальных скоростях врезаться в их боевые порядки, применяя новые снаряды, способные пробить броню.

Увидев в прицеле надвигающийся «Тигр», я выбрал цель и внимательно рассмотрел «незнакомца». Вот он попал в перекрестие прицела. Я нажал ногой гашетку пушки, но в это время танк качнуло, и первый снаряд, выпущенный по врагу, прошёл мимо цели. Неудача огорчила, но промах был закономерным. Танки стреляют на ходу, но идут они не по асфальту, а по полю, где их икачает, и подбрасывает. То же происходит и с немецкими танками. Поэтому с первого выстрела трудно поразить цель. Зарядив пушку новым снарядом, опять нажал на гашетку. Но в это время подбросило немецкий танк, и снова промах. Только третий снаряд попал в цель. Но что это? Снаряд ударил в «тигра», а ему хоть бы что!

«Бронебойным!», — скомандовал я. Выстрелил, и... промахнулся. После второго выстрела «Тигр» развернулся влево и, сильно накренившись, сполз в ложину. Новый бронебойный снаряд разорвался в моторном отделении, «хищник» загорелся. Так в первой половине дня на счету моего танкового экипажа появился уничтоженный «тигр». Первый взвод роты подбил ещё один танк. Бой продолжался, горели десятки наших и немецких танков. Вражеские машины шли и шли в атаку. Но я уже понял, что «Тигры» не такие страшные, как их малюют — они тоже горят.

Ещё один «Тигр»... Всё ближе и ближе...

Идём на таран. «Тигр» тяжелее и мощнее нашего танка, но я надеялся, что нервы у нас крепче.

Стальные громады сблизилась на расстояние 100-150 метров, ещё немного — и... удар. Но противник не выдержал, круто повернул в сторону. Именно на это я и рассчитывал. Нажал на гашетку. Снаряд угодил в борт «Тигра». Он остановился, экипаж выбросился, и мой радист-пулемётчик всех уничтожил.

Армада немецких машин продолжала наступать. И вдруг сильнейший удар потряс мой танк. Снаряд попал под башню, меня оглушило и ослепило. Осколок от снаряда попал в правый висок. Правая сторона лица сразу онемела. Меня в бессознательном состоянии вытащили члены экипажа из пылающего танка в укрытие. Пришёл в себя лишь в медсанбате. Через два дня, несмотря на протесты врачей, снова был в своем танке. Вместе с ротой продолжал вести бои за освобождение Белгорода, Харькова, других городов.

В боях под Курском огромную роль сыграли наши советские танки, особенно танк Т-34, который своей броневой защитой, вооружением и высокой маневренностью в каждом бою, в каждой схватке с врагом превосходил немецкие танки.

Вот как оценивал бои под Прохоровкой Г. К. Жуков: «12 июля 1943 года в 8.45 после 15-минутной артподготовки две стальные лавины устремились навстречу друг другу — 1200 танков и САУ. Наши легендарные «тридцатьчетвёрки» врезались в строй «Пантер» и «Тигров», шли на таран. К полудню горели танки, сбитые самолёты. Горела сама чернозёмная земля».

За один день боёв в этом сражении враг потерял до 400 танков. Поле было усеяно горящими танками, телами тысяч солдат и офицеров.

Вспоминаю тот танковый бой под Прохоровкой, когда всё горело, гудело, сверкали взрывы снарядов и авиабомб. Танки шли на танки. Огонь охватил ржаное поле, горели сотни машин, тучи дыма и пыли заволокли небо. Солнце было закрыто чёрным дымом, день превратился в ночь. Ржаное поле было перепахано, рожь с обеих сторон перемолота гусеницами танков. От грохота снарядов и авиабомб в танке давило перепонки, кровь текла из ушей.

В том сражении 12 июля советский солдат оказался крепче брони. Уцелеть в этом бою — значит, родиться в рубашке.

В Прохоровской земле вечным сном спят 10 тысяч наших бойцов. Это русское поле во всей полноте стало символом непобедимости русского солдата и русского оружия.

Вспоминается бой 28 октября 1943 года в украинском городе Кривой Рог.

Моя рота получила приказ ворваться в город. Немцы были основательно подготовлены к сражению с нашими танками. Улицы в городе узкие, неудобные для манёвра. Немцы засели на чердаках, на крышах, в подвалах домов. Плотным огнём отсекали от танков нашу пехоту и выбили её из города. Оказавшись без прикрытия, мои танки стали лёгкой добычей гитлеровцев. Несмотря на жестокое сопротивление, все танки роты были подбиты. В этом бою я получил тяжёлое ранение в правое плечо с переломом ключицы. Товарищи на руках вынесли меня из горящего танка.

Из 40 членов экипажей роты осталось в живых только шестеро.

С трудом вышли из окружённого города и только через несколько дней добрались до своих. Нас в бригаде уже считали погибшими, даже письма со страшной вестью разослали семьям. Слава Богу, похоронки в военной неразберихе до родных не дошли.

Начальник политотдела бригады подполковник Василенко, увидев нас, грязных, голодных, обвёл глазами наш маленький строй и сказал своим громким, чётким голосом:

«Товарищи члены танковых экипажей, 53-я танковая бригада никогда не забудет ваши беспримерные усилия в бою за Кривой Рог. И всегда будет гордиться тем, что вы вышли из окружения с оружием в руках».

8 июля 1944 года стало для меня памятным днём. Этот бой под Вильнюсом стал последним с моим участием.

Я был назначен помощником начальника штаба бригады по разведке. Мне поручили перед наступлением наших войск на Вильнюс произвести разведку боем. Надо было ходить перед противником, вызывать огонь на себя, засекать вражеские огневые точки, минные поля, определять конфигурацию оборонной линии немцев, глубину и скорость течения реки Вильно, крутизну её берегов, чтобы выбрать место форсирования. Бой продолжался почти 2 часа, задание было выполнено. Мы не успели отойти на исходные позиции, как немецкая авиация нанесла по нашей оперативной группе массированный бомбовый удар. И тут одна бомба угодила в мой командный танк. Танк загорелся. От разрыва оставшихся в танке снарядов я получил тяжёлое ранение в левую ногу, потерял стопу. Я был без сознания. Уцелевшие члены экипажа вынесли меня в укрытие и направили в полевой госпиталь. С сильнейшими болями в ноге я был отправлен в эвакуационный госпиталь № 5121 в город Балахна Горьковской области. Здесь под руководством ведущего хирурга Софьи Петровны Виноградовой была проведена костно-пластическая операция. Эта молодая обаятельная двадцатитрёхлетняя женщина умела любить людей и сделала всё, чтобы я поверил в себя, в то, что я всё преодолею, всё выдержу и смогу приносить пользу людям.

Шесть месяцев я пролежал в госпитале и стал инвалидом в 21 год! Свыкнуться с этим было очень тяжело. Но что делать? Жить-то надо. Я не спасовал, не согнулся перед бедой, вернулся в Ленинград, учился, работал. Жизнь состоялась.

Алла Филипповна
Булгакова

Зав. механико-энергетическим
отделением ИПТ

Мне часто снятся те ребята

Состоялась встреча студентов Политехнического института с ветераном Великой Отечественной войны Павлом Михайловичем Куцеволовым.

Молодым людям было интересно и важно увидеть человека исключительного, прошедшего войну с первого до последнего дня и встретившего Победу в деревушке Айзендорф на юге Германии, получить живое общение с участником тех страшных событий.

Его воспоминания для юных современников — возможность прикоснуться к самой впечатляющей странице российской истории, понять, как тяжело далась наша нынешняя свобода.

Павел Куцеволов начал войну в 1941 году 19 летним выпускником Таганрогского медицинского техникума. Был призван на Юго-Западный фронт санинструктором отдельной роты автоматчиков. Вскоре стал фельдшером.

После ранения и четырёхмесячного лечения в госпитале был направлен на Ленинградский фронт. Вынес с поля боя не одну сотню бойцов, оказал им первую медицинскую помощь в тяжёлых фронтовых условиях. Награждён тремя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-ой степени, многими медалями.

А в мирное время в 1952 году поступил в Военно-медицинскую академию, после её окончания был направлен в войска. Работал военврачом на Карельском перешейке, в Новгороде был заместителем начальника военного госпиталя по лечебной части. В разных должностях прослужил до 1971 года.

Павел Михайлович, талантливый рассказчик, человек с огромным жизненным опытом, в свои 89 лет сохранил живой интерес

к людям, любознательность, чувство юмора. Он поделился со студентами своими мыслями об истории, о суровом военном времени, о тех драматических ситуациях, в которые порой попадали бойцы, о непростых задачах, которые приходилось решать на фронте.

«В 1942 году, — вспоминает ветеран, — немцы собрали на юго-западе, в районе Харькова, большие силы. Наше командование не совсем точно определило направление главного удара. Сталин считал, что немцы опять попытаются взять Москву. А они нанесли удар по югу.

Наших войск там было меньше, и мы вынуждены были отойти: часть — к Сталинграду, а часть — на Северо-Кавказ. На Кавказе врага остановили, до гор он не дошёл. Если бы мы отдали Владикавказ, то была бы открыта дорога в Грузию. Моя судьба на Кавказе была связана со 2-ой гвардейской дивизией, сейчас она находится под Москвой.

Особенно тяжёлыми были бои при освобождении Таманского полуострова. За Кавказ и Крым немцы сражались упорно. Рядом со мной воевали прекрасные люди. Был в нашей дивизии эстонец — Иосиф Лаар. Тяжело раненный в живот, он прижал рукой кишки, дошёл до огневой точки и лёг на вражеский пулемёт. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. На фронте у меня были друзья всех национальностей: эстонцы, латыши, казахи, грузины, армяне. Война была всенародная, на защиту страны встали все, кто мог держать оружие».

Павел Михайлович Куцеволов

Задача фельдшера была — своевременно выносить раненых с поля боя и оказывать им медицинскую помощь в полевых условиях.

«Помню, — продолжает ветеран, — шли тяжёлые бои на Кубани. Несколько дней подряд моросил дождь, воды было чуть не до колен. В таких условиях помогать раненым было очень трудно. Мы делали всё, что могли. Делали всякие настилы, выносили раненых на руках. За этот бой меня наградили орденом Красной Звезды. Это для меня стало полной неожиданностью. Я всего лишь делал то, что должен.

В 1943 году наша авиация уже господствовала над немцами. Мы наблюдали многие воздушные бои, видели, как падают самолёты. Было очень обидно, когда погибали наши лётчики. Это по-настоящему героические люди. Раненым на земле можно было помочь. А как поможешь в воздушном бою? Где упадёт лётчик? На своей территории или на вражеской?

В последнее время появилось много статей, где описывают историю войны, делая больше упор на наши ошибки. Ругают наше командование, обвиняют фронтовиков в том, что они слишком много говорят о победе, забывая о просчётах. Но нам самим нужна правда! Если пишут правдиво, правильно описывают то, что было, на что же тут обижаться? Конечно, мы несли очень большие потери, особенно в начале войны, когда мы были слабее немцев. На них работали все заводы Европы. У нас не было столько танков, самолётов, другой техники. Это восполнил героизм советских людей. Мы и отступали, и погибали, но мы победили! На Победу работала вся страна. У станков стояли женщины, подростки. Нас на фронте неплохо кормили, а в это самое время миллионы ленинградцев умирали от голода».

Войну Павел Михайлович закончил в Германии, но в Берлине не был. Первый Украинский фронт был чуть южнее. После капитуляции Германии все стремились в Берлин, но машины выделялись только офицерам. Город превратился в груды развалин, проехать по улицам было трудно.

Очень больно, когда погибают однополчане, друзья, но самое страшное, когда погибают родные и близкие люди. Куцеволов потерял на фронте двух старших братьев, четырёх двоюродных братьев, пережила оккупацию младшая сестра. Сам Павел Михайлович был дважды ранен. Но ему посчастливилось выжить.

«Одним из самых запомнившихся, — рассказывает фронтовик, — был бой в Донбассе. Получилось так. Наш батальон продвинулся вперёд, а соседние отстали. И мы оказались вроде как в подкове. Немцы простреливают нас со всех сторон, даже сзади. Наша рота начала отступать — кто из-за ранения, а кто по слабости. А у меня скопились раненые, и я никуда не могу их отправить, не могу бросить. Я должен быть с ними до конца, что бы там ни было. Но тут командир батальона, мой первый боевой командир, которого я никогда не забуду, поднял всех: санитаров, связистов, легкораненых и организовал оборону. У меня руки по локоть в крови — негде вымыть. И мы задержали немцев дотемна. А когда стемнело, все «ходячие» пошли в тыл, а остальных вывезли на санях. У меня на душе стало так легко, будто родился заново. А вообще таких памятных дней было много, можно перечислять бесконечно.

*Для страны война шла непрерывно 4 года, а для батальона, для полка случались передышки, когда нас отводили от передовой на 10-12 км. Уже можно снять сапоги, помыться, поменять бельё, выспаться. А бывало, для формирования отводили нас ещё дальше. Десять километров — ерунда, это и снаряд артиллерийский достанет. **А если километров на 50-60, то ты считаешь себя почти что на воле. Там уже настоящий отдых. И дружба, и даже любовь.** Многие женились на фронте и после войны домой вернулись с молодыми жёнами».*

Сам Павел Михайлович женился уже после войны. Любовь Петровна училась с ним в одном техникуме, была на курс младше. В 18 лет девушка оказалась в оккупации и пережила много горя. Обоих родителей-коммунистов расстреляли в гестапо, и она осталась младшим братишкой. Но и его угнали в Германию, когда ему исполнилось 16 лет. Оттуда брат не вернулся. Говорят,

погиб при бомбёжке. Столько лет прошло, а она часто вспоминает войну и всегда плачет.

Куцеволы вместе 63 года. В жизни бывало всякое. Но самое главное в семье, считает ветеран, — это верность. А ещё — правильный выбор невесты.

Я встречалась с ними обоими у них дома и была тронута тем, с какой душевной теплотой, как бережно и нежно относится Павел Михайлович к своей жене. Особенно, когда она болеет и нуждается в поддержке. Ему здорово повезло. Такую милую, интеллигентную женщину — ещё поискать!

«Мне 89 лет, — говорит ветеран, — но я счастлив, что могу встречаться с молодёжью, со студентами. Смысл жизни — это познание. Если человек не стремится к знаниям, то у него нет цели, нет в жизни смысла. Будете больше знать, будет легче работать, сумеете избежать многих ошибок. Не жалейте для этого сил. Кем бы ты ни был — инженером, бухгалтером, слесарем, главное, чтобы ты был настоящим профессионалом, отлично знал своё дело».

У Куцеволова много увлечений. Он любит читать, ходить по музеям. В какие бы места его ни забрасывала жизнь, он первым делом посещает музеи. Свои впечатления описал в 32-х тетрадях. Студентам посоветовал, пока молоды, побывать везде, где только можно.

А ещё Павел Михайлович любит рыбалку, особенно зимнюю. Правда, в последние годы подводит здоровье, и ездить на озеро стало трудно. Пишет воспоминания, изредка встречается с однополчанами, которых, к сожалению, становится всё меньше.

На вопрос студентов: « Во что верил солдат на войне в критические моменты: в Бога, в командира, в себя? », Павел Михайлович ответил: **«Я верил в командира и в нашу Победу. Верил в страну. Патриотизм был колоссальный...».**

Гость был приятно удивлён и растроган тем интересом, с которым его слушала и принимала аудитория.

Павел Михайлович Куцеволов с женой

**Павел Михайлович
Куцеволов**

Почему я написал об этом бое? Он для меня был очень тяжелым и во многом поучительным.

Маленькие эпизоды большой войны

СИБИРЯКИ

В феврале 1942 года в наш стрелковый батальон прибыло пополнение из Сибири. Одеты были красноармейцы в полушубки, ватные брюки, валенки и одинаковые новые шапки. С обветренными лицами, в строю, они выглядели, как единый монолит.

Хотя линия фронта проходила в Донбассе, морозы в суровую зиму 1941-42 годов были и там довольно крепкими. 23 февраля, меняя участок действий, наш полк совершал 30-километровый марш. Запомнилось, что это было трудно. В эти дни неожиданно наступила оттепель. На дороге — смесь воды со снегом, что

было не для армейских валенок без галош. Меня, как фельдшера батальона, это очень беспокоило (разумеется, не только меня): не избежать простудных заболеваний.

К вечеру заняли оборону по кромке широкого пологого оврага. Как и требуется на войне, сразу начали окапываться. К ночи оттепель снова сменилась морозом. Со страхом думаю: «Будут обморожения». Пошёл по ротам. Непосредственного столкновения с немцами пока не было. Солдаты рыли окопы, а на скате оврага, где снега больше, делали укрытия с узкими лазами. Курили махорку, гудел говор, слышались шутки.

Пробыли здесь, в снежных укрытиях, без вступления в бой около двух суток. **К моему радостному удивлению, не было ни простуженных, ни обмороженных. Такова приспособляемость и выносливость людей Сибири!**

Нас бросили на взятие деревни Звоповки. Она была очень длинная, тянулась вдоль маленькой речушки. Вначале всё шло хорошо, а потом немцам удалось закрепиться почти на самом краю. Три дня жили с ними в одной деревне. Взаимно атаковали и контратаковали. Средняя часть деревни переходила то к нам, то к немцам. Случалось, что у стены одного дома рядом лежали убитые фашисты и наши. К концу третьих суток выгнали мы их, и наша дивизия заняла большое село Кировск. Нашему полку дали сутки отдыха. Выспались, обсушились, помылись.

Потом было много боёв и пополнений, но сибиряки очень запомнились. И когда сейчас слышу что-либо о сибиряках, перед моими глазами встают именно те сибиряки, которых узнал в 42-ом: коренастые, крепкие физически, трудолюбивые. Очень добродушные, смекалистые в бою и фронтовом быту, честные, с высокой степенью товарищеской взаимовыручки.

КОЛЯ

При освобождении Кубани осенью 1943 года я был ранен у станции Старотитаровская, поэтапно эвакуирован в полевой госпиталь, располагавшийся в станице Варениковская. На площади

развёрнуты большие палатки: приёмно-сортировочная, перевязочная. А раненые размещались по домам жителей.

Дом — палата. Няня — хозяйка дома. Нас в доме было четверо. Самым молодым был младший лейтенант Коля. Ему всего 18 лет. Ранен в грудь. Сухощавый, русский, красивое юношеское лицо.

Бледен. Часто кашлял, придерживая рукой место ранения. Он рассказал: «Призвали на службу и направили в военное училище. После шестимесячной учёбы присвоили звание младшего лейтенанта. Прибыл в полк накануне наступления и был назначен командиром стрелкового взвода. Днём на передовую не доберёшься. Только с наступлением сумерек проводили в первую траншею. «Вот твой взвод — одиннадцать человек» (вместо 25-30 по штату). Познакомились, как могли, в потёмках. Задача: завтра утром наступление. После артиллерийской подготовки по сигналу условной ракеты — атака. Всё так и было. Но только выскочил за бруствер и крикнул: «За мной, ура!», как ощутил пронзительную боль в груди, внезапное бессилие... И вот, я здесь».

В его рассказе было место, особенно волновавшее не только его, но и всех нас. Несколько раз Коля повторял: «Только вскочил!». И даже наедине, лёжа на койке, ни к кому не обращаясь, всё удивлялся: «Только вскочил!».

Вот такая судьба. 18 лет родители растили его и радовались. Воспитали в нём мужчину, который готов был, как всякий воин, вы-

Павел Михайлович Куцеволов и Дмитрий Литягин

полнить свой ратный долг. Хотя бы завершить атаку и вскочить в окопы противника! Казалось, что Николая волновал не сам факт ранения, а его мгновенность, резкий обрыв.

Дней 10 мы были вместе. Потом нас эвакуировали в тыл по разным госпиталям.

Не знаю, жив ли он сейчас, но в моей памяти, обычно обостряющейся в майские дни, Коля остался скромным, искренним, по-английски честным, смекалистым российским пареньком, рядовым минувшей войны.

РАНЕНОГО ВОИНА НАДО СПАСТИ

Тогда я служил в 535-м стрелковом полку в должности командира взвода санитаров-носильщиков. Был конец марта 1943 года. Наши войска теснили фашистов с Кубани. Уже подходили к станции Крымской.

Запомнилось, что 31 марта медработников полка собрал старший врач майор м/с Иван Иванович Дубогай и всем нам поставил конкретную задачу. Полк должен был сосредоточиться на западной опушке болотистого леса северо-восточнее станицы Крымская, овладеть железнодорожной насыпью и мостом, затем развивать наступление дальше.

Мне же было приказано организовать передовой полковой медпункт в районе сосредоточения батальонов и с фельдшерами батальонов обеспечить оказание помощи раненым, а также их вынос до поста санитарного транспорта. В моём распоряжении было три санинструктора и 14 санитаров.

ПМП оставался в населённом пункте (кажется, станица Мингрельская) восточнее лесисто-болотистого массива. Ближние хутора были частично разбиты и не годились для ПМП. А там, где и были домики, располагались тылы других частей. Лес в юго-западном направлении непроходим. В глубине его трясина, болото. Вокруг по опушке почва просохла, и можно было проехать повозками, но только до определённого места. От него

до места расположения батальонов была тропа. Поэтому было решено в конце проезжей части организовать пост санитарного транспорта. Там я оставил одного санинструктора с задачей оказывать необходимую помощь прибывшим из ПМП и регулировать очерёдность погрузки на повозки.

Прибыв на исходный рубеж, убедился, что окопаться практически невозможно. Хотя сверху и подсохло, но стоит снять слой земли в 20-25 см, как появляется вода. Для защиты раненых от поражения пулями и осколками сделали защиту над землёй. Выбрали площадку примерно 4х4 метра, обнесли её плетнём с трёх сторон и снаружи обложили землёй. Внутри сделали настил из прутьев и старой болотной травы. От батальонных медпунктов на деревьях сделали насечки с надписью-указкой. Для ориентировки в ночное время условились пользоваться телефонными проводами, протянутыми от батальонов до КП полка (он находился в метрах 50-60 от нас).

Для оказания помощи раненым в медпункте имелись: бинты, вата, индивидуальные пакеты, шины, в основном, фанерные и сетчатые; из медикаментов — йод, спирт, марганцовокислый калий, морфий, камфара, сода, медный купорос. Запаслись носилками. **Считал, что мы готовы к приёму раненых. Погода хорошая, настроение приподнятое.**

Но как-то незаметно, постепенно небо заволочло тучами, и вскоре пошёл дождь. Не очень сильный, но без перерыва. Как говорят, обложной. Продолжался он дня три или четыре и стал, пожалуй, главной причиной всех трудностей этого боя.

Утром началось наступление. Авиация не могла нас поддержать из-за низкой облачности и тумана. Артиллеристам было трудно, а, может, и невозможно по той же причине корректировать огонь батарей, находящихся сзади за лесом. Да и по ряду других причин, анализировать которые не берусь, полк успеха развития не смог. Бой есть — продвижения нет, медицинской службе сложно выполнять свою задачу.

В результате непрекращающегося дождя на поверхность стала выступать вода. Некоторые бойцы были совсем близко к же-

лезнодорожному полотну, и там были раненые. Ротные и батальонные санинструкторы подбирали под огнём тяжелораненых, оттаскивали в закрытое место, оказывали помощь, доставляли до ПМП. А оттуда уже носили санитары моего взвода. Кто мог, шёл сам.

О расстоянии сейчас достоверно вспомнить трудно, но оно было небольшим, до поста санитарного транспорта километра полтора-два. Путь везде был исключительно тяжёлым: вода, грязь, то кочки, то впадины. Однако бойцы, которым было поручено переносить раненых, мужественно и терпеливо делали своё дело.

Помощь оказывали непосредственно я и два санинструктора. Заключалась она в простейшей очистке раны, смазывании вокруг раны йодом, наложении повязок, шин, обезболивании. Поступивших со жгутами отправляли в первую очередь. Самым лучшим, к слову, считаю резиновый жгут. Бывшие тогда на снабжении матерчатые — неудобны и ненадёжны; лучше уж хорошо наложенная закрутка.

Как только начали поступать раненые, стало очевидным, что надо их чем-то обогревать. На каждом одежде промокла. И хотя было начало апреля и район Кубани, но промокшим раненым было холодно. Переодеть во что-то сухое не было возможности (ни средств, ни условий). Да и лишняя травма при переодевании, и задержка с эвакуацией вряд ли были оправданы. У нас были хлеб, сахар и немного водки. Одному из санитаров я поручил готовить в котелках чай. Сухостоя достаточно. Для костра сделано было возвышение из земли, для котелков — треноги из рогаток. Воду ходили брать на опушку к речке. Хотя вода и соединилась с той, что выступила из земли, но всё же была почище. Туман, пасмурность и дождь позволяли развести огонь без опасений себя обнаружить.

В целом помощь тогда складывалась из следующего:

1. Оказания медицинской помощи
2. Временного отдыха на более или менее сухой подстилке
3. Обогрева чаем с хлебом, сахаром и некоторым количеством водки.

Перекладывание раненого на сухое место тоже требовало организации. Вся земля мокрая. В шалаше укладывали только тяжелораненых, и там же находилось наше рабочее место. Крыша из соединённых плащ-палаток пропускала воду. Мы делали рядом подстилы из жердей. Их потом приходилось приподнимать, так как под них подходила вода.

Вначале санитары носить тяжелораненых успевали. На каждого раненого выделялось по два носильщика. А потом люди устали, тропа раскисла, стала значительно хуже. Сухих мест, чтобы поставить носилки для отдыха, становилось всё меньше, потребовалось выделять до четырёх человек на каждого раненого, эвакуация стала задерживаться. Начальника штаба полка подполковника Сапожникова я всё время держал в курсе дел. Да он и сам всё видел, так как находился близко. Мне были выделены ещё носильщики их тех, кто приносил сюда патроны и мины. Потребовалось больше носилок. Их не оказалось. Пришлось делать носилки из двух кольев и плащ-палатки самого раненого.

Тогда я ещё раз убедился, что санитаром на переднем крае не может быть человек физически слабый или недобросовестный. Раненым и мне в том бою в определённой степени повезло. Основу взвода составляли молодые осетины. Эти сыны Северной Осетии проявили себя исключительно добросовестными, трудолюбивыми, смекалистыми людьми. Они и сейчас у меня перед глазами: Джанаев, Моргаев, Сикаев, Сизоев, Гогоев.

Особой неутомимостью отличался Батербек Джанаев. Усталости не знал, к людям был доброжелателен, с ранеными заботлив, как женщина. Шутки и юмор сопутствовали ему в жизни. Потом он стал санинструктором батальона.

Таким же был алтаец Петя Шаповалов. Сильный, добродушный, смелый. Я его знал с 1941 года. Многих раненых он вытаскивал буквально из-под вражеского огня. Оба они погибли в августе 1943 года за Крымской, на «Голубой линии».

О физической и психологической выносливости сказал потому, что не все одинаково перенесли ту большую физическую нагрузку в воде, под дождём, без отдыха и почти без сна несколько

дней. **К концу третьих суток у некоторых появились отёки на ногах и на руках. Они выходили из строя.**

И среди личного состава полка тоже появились больные: с отёками конечностей и даже лёгких. Это установили уже на ПМП. А ко мне их приносили (некоторые сами добирались) с жалобами на сильную одышку, слабость. Они были бледными, с каким-то серым оттенком, одутловаты. Я не понимал сути их состояния, отправлял на ПМП, предварительно введя камфару и обогрев, чем мог. Знаю, что у них был установлен отёк лёгких. Больных отправляли в МСБ.

Кажется, на 4-й день полк получил приказ передислоцироваться влево. Раненых к тому времени поступало всё меньше. Их забирали с собой уходящие батальоны. Мне было приказано остаться до утра с санинструктором и тремя санитарями, «прочесать» опушку леса, проверить, не осталось ли где раненых, и потом соединиться с полком.

Утром, увидев, что оставленных раненых нет, начали собирать имущество. И тут заметили, что вода стала заметно прибывать (потом одни говорили, что немцы разрыли дамбу, другие, — что просто речка вышла из берегов), поверхность сплошь покрылась водой. Ступишь — где-то до колен, а где-то значительно выше. Кругом туман, видимость 50-60 м. Всякое отклонение от маршрута грозило опасностью: влево — попадёшь в трясину, вправо — попадёшь к немцам. Добрую службу оказал компас: мы благополучно вышли в расположение полка. Но до ПМП не добрались. Нашли свободный хлев и на тёплом навозе отлично проспали до следующего утра.

Почему я вспомнил именно этот бой? Он для меня был очень тяжёлым и во многом поучительным. Подготовил к дальнейшим боям.

Марк Моисеевич Шапиро с внучкой Таней

Марк Моисеевич Шапиро

Мы трудились, понимая, что этим хоть в какой-то мере оправдываем своё существование.

Военное детство

Марк Моисеевич Шапиро окончил кораблестроительный факультет Ленинградского института инженеров водного транспорта в 1957 году. С 1960 по 2001 год работал преподавателем теоретической механики в высшем техническом учебном заведении, преобразованном в НовГУ имени Ярослава Мудрого. С 2001 года — на пенсии.

Марк Моисеевич вспоминает:

«Мой отец, Моисей Израилевич Шапиро, и моя мать, Валентина Герасимовна Козловская, учились вместе в медицинском институте в Минске и окончили его в 1931 году. На последнем курсе, в феврале 1931 года, у них родился сын, мой старший брат Тёма.»

Свою трудовую врачебную деятельность мои родители начали в городе Турове Гомельской области.

С ноября 1931 года отец начал служить врачом в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА).

Я родился в Минске 30 июля 1933 года. Отец в это время был младшим врачом 39-го Терского кавалерийского полка, стоявшего под Минском в Комаровке.

Я начал осознавать себя и окружающее примерно с начала 1937 года, когда мы жили в местечке Уречье Слуцкого района Минской области, в ста километрах южнее Минска.

Городок был в лесу, окруженный колючей проволокой, в двух километрах от Уречья. Отец имел звание «военврач 3-го ранга», соответствовавшее капитану и был старшим врачом 156-го корпусного тяжело-артиллерийского полка (КТАП). Мама работала врачом в Уреченской амбулатории. Я и брат Тёма ходили в детский сад на территории военного городка.

В декабре 1937 года маму арестовали.

Она приехала в Минск из Латвии в 1927 году. Там окончила белорусскую гимназию в Двинске (Даугавпилсе), затем годичные педагогические курсы в Риге. Участвовала в белорусском национальном движении, писала стихи на белорусском языке. Некоторые из них были опубликованы в Риге в 1926 году.

В Латвии у неё остались парализованная мать и старшая сестра-учительница, бывшая, по существу, главой семьи, поскольку отец умер в начале 20-х годов. Конечно, она переписывалась со своими родными, с друзьями и знакомыми, оставшимися в Латвии.

В Советской стране в те времена учение в школе за границей, **переписка с заграничными родственниками и знакомыми были достаточным основанием для того, чтобы человека заподозрили во враждебных намерениях по отношению к Советской власти.** За подозрением следовал арест. А чтобы подтвердить подозрения, применялись «спецсредства».

Военврач М. И. Шапиро

Валентина Герасимовна Козловская

Валентину Козловскую обвинили в шпионаже в пользу латвийской разведки, заставили «признаться» в этом злодействе и «постановлением Комиссии НКВД и Генерального прокурора СССР» приговорили к расстрелу.

Приговор был приведён в исполнение 31 марта 1938 года в Минске.

Мама была реабилитирована посмертно в 1960 году.

Мы с Тёмой продолжали ходить в детский сад. Но скоро, сначала Тёма, а потом и я, бросили детский сад и с компанией сверстников стали вести вольную жизнь.

Осенью 1938 года у нас появилась мачеха Маша — Мария Андрияновна Орловская.

Ей было 23 года. Она родилась и выросла в селе Шаповаловка Борзенского района Черниговской области на Укра-

ине в простой крестьянской семье, которая отличалась жестокими нравами. Маша три зимы ходила в школу, и этим ограничилось её образование. Крестьянской работой она занялась очень рано. В начале 30-х годов, при коллективизации, пережила ужасы «голодомора», после чего семья Орловских (отец, мать, три дочери и сын) вступила в колхоз, а сама Маша завербовалась на стройку в Донбасс.

На протяжении года работала подносчицей кирпича в Макеевке, потом за три года сменила несколько мест проживания и работы. Была уборщицей, официанткой, вышивальщицей, домработницей. Последний перед нашей встречей год работала санитаркой — по существу, уборщицей, в Уреченской амбулатории, в которой наша мама была врачом.

Летом 1938 года наш полк выступил в летний лагерь на берегу Березины напротив Бобруйска. Там мы жили втроём — отец, Тёма и я, в щитовом домике, который, как писал отец брату Борису, «в дождь промокает, в ветер продувает».

Вернувшись осенью «на зимние квартиры», отец в один из тягостных октябрьских вечеров пошел в Уречье к Маше, которую давно приметил, заходя в амбулаторию к жене Вале. Взял её за руку, привёл к себе и уложил в постель. Он готов был оставить её в качестве домработницы (у нас их сменилось уже несколько). *Но с Машей такой номер не прошёл. Теперь уже она за руку отвела отца в ЗАГС. И они заключили брак.*

Замечу, что с нашей мамой отец жил без этих формальностей.

У Маши был характер тигрицы — сильной, хитрой и коварной. Отца она полюбила по-звериному. Мы же с Тёмой были для неё лишним к нему приложением. Она не пыталась стать нам матерью, воспитывать нас. Маша следила за нашим питанием, ограничиваясь простым, доступ-

ным ей меню, следила за нашей одеждой. Но в отношении свободы нашего поведения всё осталось по-прежнему. Хотя иногда у неё явно «чесались руки» применить к нам методы своего рабоче-крестьянского воспитания.

Летом 1939 года наш 156-й КТАП снова выступил в летний лагерь под Бобруйском. Мы опять поселились в щитовом домике, другом, но с теми же качествами, что и в прошлое лето. Только теперь уже с нами была Маша. И, хотя она была «на сносях», но отремонтировала крышу, заделала щели в стенах. Снаружи перед входом из кирпичей сложила плиту, на которой успешно готовила нам пищу.

21 июня 1939 года в Бобруйске Маша родила девочку, которую отец назвал Долорес. Мы звали её Долей.

У Доли на одной ноге был дефект, требующий хирургического вмешательства. Эта беда и попытки излечения ребёнка во многом определили наше существование в оставшиеся до начала войны два года и привели к серьёзному повороту в нашей судьбе.

Мы с братом в лагере проводили время на значительно расширившейся территории и в её окрестностях, на озере Кривом, на берегу Березины.

Когда начинались манёвры, мы издали видели наши пушки на боевых позициях, пережили имитацию газовой атаки, как-то видели атаку целого кавалерийского полка — сверкали шашки, и земля гудела от топота сотен конских копыт.

А ещё наблюдали заключительный парад войск после окончания манёвров. Побатарейно, в пешем строю шли наши артиллеристы. Впереди шагали наши отцы.

Плохая им досталась доля, не многие вернулись с поля...

17 сентября 1939 года наш 156-й КТАП двинулся на запад — освободить Западную Белоруссию. Остановился

в 25 километрах от новой границы с Германией, в польском городе Замбрув (Замбров). Город сначала с боем был занят немцами — польская дивизия генерала Коссецкого безуспешно попыталась противостоять танковому корпусу генерала Гудериана.

Немцы, заняв Замбров, вскоре ушли за демаркационную линию, забрав с собой всё, что можно было забрать, оставив, однако, трупы своих солдат, павших при взятии Замброва. Их могилы были напротив дома, в котором мы поселились, приехав в Замбров через месяц после прибытия туда нашего полка.

На немецких могилах стояли большие свежесвыструганные кресты с выжженными на них готическими буквами надписями, сверху висели немецкие боевые каски.

Могил было семь. Через месяц они исчезли. *Немцы приехали ночью на грузовиках, разрыли могилы и забрали своих мертвецов.*

Бродя по окрестностям военного городка, который был таковым и у поляков, мы с братом и несколькими мальчишками — «однопольчанами» натывались и на другие свидетельства пронёсшейся там военной грозы. Нам попадались стреляные гильзы от польских и немецких винтовок, картонные коробки из-под патронов, польские хощёвые подсумки... Кому-то посчастливилось найти польский ножевой штык. В одном месте была свалка искожённых взрывами легковых машин — очевидно, поляки взрывали их, чтобы они не достались врагу. В лесочке неподалёку от городка мы наткнулись на кучу плотно закрытых металлических банок. Наши попытки открыть их, к счастью, не увенчались успехом. Позже мы узнали, что в банках был иприт.

В Замброве мы прожили почти полтора года.

В июне 1940 года отец в составе передового отряда участвовал в походе в Литву.

Когда зимой этого года началась Советско-Финская война, из санчасти отца затребовали на фронт двух санитаров. Один из них вскоре погиб. Другой отморозил обе ноги, ему их ампутировали.

Младший (на полтора года) брат отца Борис Шапиро, аспирант Ленинградского технологического института имени Ленсовета, был призван в армию и участвовал в «Зимней войне» в звании лейтенанта.

В Замброве в сентябре 1940 года я начал учиться в первом классе школы, специально созданной для детей военных и служащих, присланных с востока. Тёма пошел в третий класс, первый и второй он окончил в Уречье.

В Замброве в октябре 1940 года Маша родила вторую дочь, названную Беллой.

В январе 1941 года отец был назначен бригадным врачом 9-й пулемётно-артиллерийской бригады, стоявшей в городе Соколка Белостокской области.

Соколка (Сокулка), как и Замбрув, была и осталась польским городом. В сентябре 1939 года её тоже сначала заняли немцы, которые вскоре ушли в «область своих интересов».

В январе 1941 года мы в кузове полуторки, сидя на своих вещах и отчаянно замерзая (Маша с двумя дочками на руках ехала в кабине), переехали в Соколку.

Но пробыли там недолго.

В марте 1941 года отца назначили дивизионным врачом 204-й моторизованной дивизии, стоявшей в Волковыске, и мы переехали туда. Снова в кузове полуторки. Но теперь мороза не было, и мы не мёрзли.

В Соколке мы с Тёмой всего два месяца проучились в школе. В Волковыске мы, наконец, окончили — я первый, а Тёма третий класс.

В Волковыске мы впервые на моей памяти поселились не в военном городке, а в городе. Но снова мы не задержались там надолго.

Отец через своего брата Бориса, демобилизовавшегося после войны с финнами и вернувшегося в Ленинград к своим аспирантским делам, договорился об операции Доли с известным тогда в Ленинграде детским хирургом-ортопедом профессором Кусликом.

От Куслика было получено приглашение, и мы засобирались в дорогу.

Вопрос о скором начале войны с немцами давно уже не вызывал сомнений. Никому из военных никаких отпусков не давали. Но для отца сделали исключение — ему дали десять дней «для устройства личных дел».

И числа 15 июня 1941 года отец запер на ключ дверь нашей квартиры. Мы — я, Тёма и отец — сели в кузов полуприцепа, Маша с двухлетней Долей и восьмимесячной Белкой на руках — в кабину, и мы поехали на Волковысский вокзал. Никаких вещей, кроме самых необходимых, с нами не было. Мы были одеты по-летнему, рассчитывая вернуться недельки через две.

В Волковыск мы больше не вернулись... Через неделю после нашего отъезда началась война, а ещё через три дня немцы заняли Волковыск.

Мы не сразу поехали в Ленинград. Сначала мы заехали на родину Маши в село Шаповаловку Борзенского района Черниговской области. Там отец и Маша оставили меня, Тёму и Белку, а сами с Долей на следующий день поехали в Ленинград. В Ленинграде у отца, кроме брата Бориса, были ещё две тётки и дядя — сёстры и брат его матери.

В первый же день после приезда, 21 июня 1941 года, отец получил телеграмму: «Немедленно вернуться в часть».

Подписана телеграмма была начальником штаба дивизии, в которой служил отец.

Отец решил ехать в Волковыск на следующий день, оставив Машу и Долю на попечение родственников.

Но, как известно, «22 июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война». В Ленинграде уже в 5 часов было объявлено «угрожаемое положение».

Отец и Маша решили, что ни о какой операции Доли не может быть и речи. Они сели в поезд и вместе доехали до Гомеля. Там разделились — Маша с Долей поехали на юг, в Шаповаловку, а отец — на запад, навстречу быстро разгоравшемуся пламени войны.

Из двух ленинградских тёток одна умерла во время блокады, другая и дядя остались живы.

*Брат отца, Борис, вступил добровольцем в 3-ю дивизию народного ополчения. Дивизия была послана на север, в район Олонца, и была разгромлена финнами в сентябре-октябре 1941 года. **Из семи тысяч бойцов и командиров от дивизии, в конечном счёте, осталось всего триста человек.** Увы, среди этих трёхсот не было лейтенанта Бориса Шапиро...*

Наш отец, Моисей Шапиро, двигался к фронту сначала в товарном поезде, потом на попутных машинах и, наконец, пошел пешком по Варшавскому шоссе по направлению к Минску.

Но Минск тем временем был занят немцами. Шапиро был остановлен и направлен в штаб 4-й армии, которая отступала от западной границы.

Отец получил назначение в 42-ю стрелковую дивизию на свою прежнюю должность начальника санитарной службы.

42-я дивизия в начале войны находилась в Бресте и в первые же минуты была подвергнута мощнейшим ударам

немецкой артиллерии. Часть дивизии осталась в Бресте и погибла, часть ушла на восток. Теряя бойцов, пополняясь разрозненными группами, отчаянно сопротивляясь, дивизия к концу июня 1941 года, когда в ней появился Шапиро, отступала вдоль Варшавского шоссе и была в районе Рогачёва.

1 июля руководство Западного фронта было смещено. Целую группу генералов судили, приговорили к расстрелу и расстреляли. Был расстрелян и командующий 4-й армии. 4-я армия была расформирована. 28-й стрелковый корпус, в который входила 42-я дивизия, в 20-х числах июля был передан 13-й армии.

Моисей Шапиро 12-го июля был назначен начальником корпусного полевого госпиталя № 17 28-го стрелкового корпуса. После передачи корпуса 13-й армии, Шапиро был назначен начальником хирургического полевого подвижного госпиталя (ХППГ) № 2406 13-й армии.

В феврале 1942 года его назначили начальником ХППГ № 507 13-й армии.

Ему было присвоено звание «подполковник медицинской службы». И с этим званием, с этим госпиталем и с этой армией отец прошел всю войну. Отступал, наступал, держал оборону, был в различных переделках и встретил Победу под Берлином, принимая огромный поток раненых.

9-го мая он расписался на стене дымящегося рейхстага.

Всего за время Великой Отечественной войны госпиталем было принято 37119 больных и раненых, из них умерло 778 человек, что составляло 2%.

Маша с Долей не без приключений добрались из Гомеля до Шаповаловки и присоединились ко мне, Тёме и Белке. Вместо предполагавшихся пары недель нам пришлось пережить там, в хате с соломенной крышей и земляным полом, четыре военных года.

Хозяину хаты, отцу Маши, Андрияну Давыдовичу Орловскому, по-уличному Лободёну, в это время было 60 лет. В молодости он воевал на японской войне, затем — на германской. В 1916 году, имея чин фельдфебеля, Георгиевский крест и будучи командиром отделения, попал в плен. Два года провёл в Германии, в городе Мангейме, работая грузчиком на сахарной фабрике. По сговору с охраной, он и его друзья-грузчики, такие же военнопленные, как и он, наладили поток сахара «налево», за что, в случае обнаружения, грозил расстрел. Но они не попались. А сахар в воюющей голодной Германии был на вес золота. Очевидно, Андриян и его товарищи были расконвоированными; за сахар они имели всё, что надо здоровому мужику — хорошую жратву, шнапс, женщин...

Село Шаповаловка, 1942 г.
Справа Марк Шапиро

Но в ноябре 1919 года в Германии грянула революция. Большой международный лагерь военнопленных, в котором содержался Андриян, восстал и разбежался. Андрияну пришлось возвращаться домой.

А дома в это время шла гражданская война. Власть в Шаповаловке менялась чуть ли не каждый день. И каждая кто-то расстреливала, кого-то пыталась мобилизовать в свою «армию». Андриян благополучно избежал и того, и другого.

В период между войнами он женился, начал было заниматься своим хозяйством, но ударился в пьянство и дебоши. Жену Евдоху спяну жестоко избивал, так что, когда он уходил на фронт, жена напутствовала его:

— Чтоб тебя там разорвало на куски!

Его не разорвало, а только дважды ранило.

Теперь он снова начал заниматься хозяйством и снова стал пить и буянить.

У него, кроме жены, были дочь Настя, родившаяся в 1912 году, и дочь Мария, зачатая перед уходом на фронт и родившаяся в 1915 году. Он бил жену смертным боем, однако, и детей ей делал. У них родились сын Иван, дочь Афанасия (Фанаська) и дочь Капитолина (Капа).

Жену Евдоху он добил до того, что повредил ей позвоночник, и она слегла, парализованная. Он бы убил её, но в это время с компанией дружков убил хорошего парня, который чем-то досадил им. За это Андриян получил 5 лет каторги.

Евдоха отлежалась, встала на ноги, но осталась горбатой на всю жизнь.

Андриян вернулся домой через два года. Его будто подменили. Он перестал бразничать, избивать жену и всю свою энергию вложил в хозяйство. Было время НЭПа. На вывезенное из Германии и ещё не пропитое «сахарное» золото он стал покупать землю, скот, инвентарь.

К началу 30-х годов — к началу коллективизации — у него было 5 десятин великолепного чернозёма, участок леса, большой заливной луг перед хатой, приусадебный участок почти в гектар, на котором были огород, сад и 14 различных построек. В них размещались пара лошадей, две коровы, пара волов, овцы, свиньи, куры, гуси. Был весь необходимый инвентарь, а также прялки, ткацкий станок, большая ножная ступа для изготовления круп. Со всем этим Андриян управлялся сам со своей семьёй, что и определило его при коллективизации как середняка, а не куркуля (кулака).

Коллективизацию Андриян, как и многие его односельчане, воспринял как злую шутку, желание каких-то голодранцев и бездельников заставить его, вольного хлебопашца, работать на них.

Но Советская власть быстро дала понять, что она не шутит.

Кто-то пошел по этапу в Сибирь. У других стали отнимать всё. Андриян рассказывал, как приезжали на подводах с оружием, уводили скот, забирали все запасы и инвентарь. Когда уводили лошадей, у Андрияна перехватило горло, и он десять дней не мог говорить. Дворового цепного пса, пытавшегося отчаянным лаем защитить хозяйское добро, застрелили.

Люди всё равно не шли в колхоз, и начался голод — знаменитый «голодомор». Люди ходили опухшими от голода, падали мёртвыми на дорогах...

В конце концов, поняли, что «плетью обуха не перешибёшь», и стали записываться в колхоз, тем более что там давали зерно в счёт аванса.

Затаив ненависть к Советской власти и к колхозу, Андриян с семьёй тоже записался в колхоз. Постепенно жизнь стала налаживаться.

Когда мы приехали в Шаповаловку, Андриян работал на волне — ухаживал за шестью парами волов. Настя работала дояркой на ферме. Вышла даже в передовые и была послана на ВДНХ, откуда вернулась с серебряным знаком. Правда, после появления на свет весной 1941 года дочка Валентины, которую родила без мужа, она стала прихварывать и не работала. Иван служил в армии на полуострове Ханко. До призыва заведовал сельским клубом. Фанаська работала в полевой бригаде. Капитолина умерла в 1939 году в 14 лет от болезни почек. Мария, как уже было сказано, завербовалась и уехала в 1933 году. Теперь она вернулась женой военного врача, капитана, с четырьмя детьми.

Жена Андрияна, мать всех его детей, Евдокия Ивановна, Евдоха, битая-перебитая, горбатая, вела домашнее хозяйство. В хозяйстве же были большой огород, корова,

кабан, десятка два кур. Евдоха была совершенно неграмотна, но очень религиозна и никуда, кроме своего села, не выходила. Только один раз, ещё в девичестве, сходила пешком в Киев на богомолье. И вся она была наполнена ненавистью, которую, правда, сдерживала в себе. Она ненавидела своего мужа, ненавидела «панов» — всех, кто не жил трудами рук своих. Ненавидела колхозы и тех, кто их создавал и разорял церкви («партийных», как она их называла). Ненавидела жидов, которые «Христа распяли», ненавидела свои вилочники (ухваты), которыми орудовала в печи, и колотила их сухоньким кулачком, если у неё что-то не получалось...

Приусадебный участок в 75 соток давал не только овощи. На нём росли также просо, конопля, рожь (пшеница или ячмень, а то и овёс), кукуруза, подсолнухи, мак. Окружали участок вязы, вербы, кусты барбариса. Было также десятка два вишнёвых деревьев, две старые груши-спасовки, много кустов чёрной смородины и десятка два недавно посаженных привитых яблонь.

Известие о начале войны принёс с работы дед. Оно не взволновало меня — я уже давно был «возле» войны и думал, что всё обойдётся так же, как с походами в Польшу, в Литву или в Финляндию.

Но события развивались очень быстро.

Однажды днём немецкие самолёты стали бомбить Бахмач — узловую станцию в двадцати километрах от Шаповаловки. Слышны были взрывы, земля тряслась, в небо поднимался столб чёрного дыма. Впервые я ощутил жуть от чего-то жестокого, мощного и неумолимого.

Бомбёжки вскоре стали регулярными. Они происходили по ночам. Немцы развешивали «паникадила» — так люди называли осветительные авиабомбы. Видны были веера трассирующих пуль, земля тряслась от взрывов, и над городом поднималось зарево пожаров.

Я быстро привык к этим бомбёжкам.

В колхозе убирали урожай, который в этом году был хорошим. Всех подлежащих призыву мужчин взяли в армию. Через село угоняли на восток табуны скота. Угнали и наш колхозный скот. Дед лишился своих волов. Когда их забивали, дед не выдержал и попросил у председателя колхоза, молодого пылкого коммуниста, оставить двух самых любимых — Вальку и Валета. Председатель сунул деду в зубы ствол нагана и закричал:

— А этого ты не хочешь!?

Через село шли и шли огромные стада. Но разве они могли уйти от быстро наступающих немцев? Погонщики, считавшиеся мобилизованными, несли ответственность за скот по законам военного времени, вплоть до расстрела. Но узнав, что немцы догоняют, бросали свои стада на произвол судьбы и разбегались по домам. Всю осень нам с братом Тёмой приходилось стеречь огород от голодных, одичалых коров. Брать их, по крайней мере, открыто, не решались — это была государственная собственность, за которую можно было поплатиться.

По шляху, идущему через село с запада на восток, и по параллельной ему нашей улице, непрерывным потоком шли беженцы. Некоторые ехали на телегах, запряженных лошадьюми, но большинство шли пешком. Стояло жаркое лето, но на некоторых тяжело бредущих людях были тёплые зимние пальто или шубы. Попадались стайки беспризорных мальчишек.

Местные относились к беженцам недружелюбно. В них видели сторонников Советской власти, виновных в разорении крестьян, в насильственной коллективизации, в разрушении церквей. Они воспринимались виновниками «голодомора». По этим причинам все откровенно ждали немцев, надеясь, что они вернут прежнюю доколхозную жизнь.

Проходили через село и войска.

Остановилась на отдых какая-то часть, очевидно, недавно мобилизованных, ещё не вооружённых бойцов. К нам в хату зашли двое — один русский, с шинелью, но без винтовки, другой азиат, с винтовкой, которую он не выпускал из рук, но без шинели. Они говорили, что уже столкнулись с немцами и бежали от них. При этом один бросил винтовку, но сберёг шинель, другой, наоборот, бросил шинель, но сберёг винтовку. Их, наверно, присоединили к формирующейся части.

Понадобилась большая и жесткая работа, чтобы быстро, на ходу, сделать боеспособных солдат из этих весьма условных бойцов.

Нашу Фанаську мобилизовали на рытьё противотанкового рва. Ров должен был пройти в пяти километрах от села, в сторону районного центра посёлка Борзна. Она и другие девчата там и ночевали.

Наступил момент, когда разрешили разобрать магазин и аптеку — приходи и бери, что хочешь. Но никто не бросился грабить. С мужицкой осторожностью государственное добро не расхватывали, опасаясь, что за это придётся отвечать. Послали на это дело мальчишек, которые крушили и ломали всё: били всё бьющееся, рассыпали сыпучее, разливали льющееся.

Точно так же эти разрушители поступили и со школой. Кто-то из соседских мальчишек сказал мне, что разгромили школьную библиотеку. Я тут же, никого не известив, побежал в центр села, где была школа-десятилетка.

В школе уже никого не было. В коридоре на полу валялись разбитые приборы и истерзанные портреты учёных, писателей, политических деятелей. В классах все парты были перевёрнуты. В библиотеке полки с книгами были опрокинуты, и книги грудami лежали на полу. Какой-то мальчишка, чуть постарше меня, бродил по этим грудам, разглядывая некоторые поднятые из-под ног книги. Не найдя ничего, для себя интересного, ушел.

Я остался один. Книги давно уже были для меня огромной ценностью. Отец, несмотря на кочевой образ жизни, приобретал книги, в том числе детские. Читал их мне и брату вслух. А когда у нас появилась Маша, его чтение в свободное время лучших образцов русской и мировой литературы стали для нас любимейшим занятием. В Волковыске, окончив первый класс, я начал читать книги самостоятельно.

И вот я стоял перед грудami сокровищ. Я набрал охапку, сколько мог унести, и пошел домой. Дома Маша не ругала меня, но и не пустила на второй заход, хотя я порывался это сделать.

Не все принесённые мной книги оказались интересными. Но некоторые читались мной и Тёмкой с увлечением. К сожалению, в самые тёмные времена Маша запрещала нам читать.

Судьба же остальных книг библиотеки была трагической. Немцы, проходя через село, часто останавливались на отдых и при этом занимали школьное здание. Они топили печки книгами, партами, стеллажами и проч. Но книги отсырели — началась осень с дождями, а потом зима со снегом. В помещении был сырой воздух, и книги стали плохо гореть. Их выбросили во двор. Я узнал об этом и снова пошел туда, надеясь найти хоть что-нибудь.

Книги лежали разбухшими, смёрзшимися глыбами. Они были мертвы.

В первых числах сентября передовая линия фронта подступила к Шаповаловке.

Вернулась с рытья окопов Фанаська. Она рассказывала, что проснувшись утром, девчата-землекопы не обнаружили военных, которые руководили работой, и отправились по домам.

В селе остановилась какая-то часть Красной Армии. Было похоже, что она собирается держать у нас оборону. В нашем вишняке расположились две пушки-сорокапятки.

Наступил день, когда немцы подошли к селу, и началось «боестолкновение».

... Было серое пасмурное утро. Трещали выстрелы, слышался поющий тугой звук пролетающих пуль. Нам с братом очень хотелось сбегать в вишняк к артиллеристам и посмотреть, как они воюют, но Маша строго-настрого запретила отходить от хаты. Навестивший артиллеристов дед, вернувшись, сказал, что они просили не мешать им.

Над головой что-то провыло и грохнуло метрах в двухстах от нас на мощёном бульжником шляху. Дед сказал, что это бьёт немецкий миномёт.

Сверкнуло молнией и резко сломалось в нашем вишняке — ударила одна из наших сорокапятков.

Мы с братом возбуждённо следили за перестрелкой. Страх не было. У нас всё ещё было ощущение, что мы вернёмся домой, в Волковыск, и будем рассказывать друзьям о виденной нами настоящей войне.

В середине дня всё стихло. Говорили, что немцы, натолкнувшись на сопротивление, обошли село стороной.

Ночью ушли и наши. Утром начался мелкий дождь и продолжался целых два дня. В селе было безвластие — не было ни наших, ни немцев. Село будто вымерло; все тихо сидели по хатам.

К вечеру дождь перестал. Мы вдруг обратили внимание, что по шляху двигаются мотоциклы, машины...

Немцы!

Дед взял меня, и мы пошли с ним в центр села. По дороге нам стали встречаться немецкие солдаты — молодые, ладные, весёлые парни в расстёгнутых мундирах, без оружия. У всех на одной петлице мундира были две молнии — стилизованные буквы SS. Это я узнал позже. А тогда так

и подумал, что это молнии. На рукавах и на фуражках — череп со скрещёнными костями.

Совсем недавно, читая мемуары генерала Гудериана, командующего немецкой танковой группой, которой в описываемое мной время была придана моторизованная дивизия СС «Дас Райх», я прочёл:

«...11 сентября [1941 года, М. III.]... дивизия СС «Рейх» заняла Борзну».

Борзна — это в 10-ти километрах севернее Шаповаловки. Возможно, тогда же или на следующий день, то есть 12 сентября 1941 года, была занята Шаповаловка, и встречавшиеся нам с дедом Лободёном на пути к центру села солдаты были из дивизии СС «Дас Райх».

Солдаты заходили в близлежащие к центру дворы и жёсткими просили разрешения нарвать яблок, в чём, разумеется, им никто не отказывал. Некоторые уже шли обратно с фуражками, полными яблок.

Это были «солдаты победы». Они весело смеялись и громко переговаривались.

Мы с дедом подошли к правлению колхоза. На крыльцо вышел офицер. Дед заговорил с ним по-немецки. Тот ответил дружелюбно-заинтересованно, как турист, неожиданно услышавший в чужой стране родную речь. Дед объяснил ему, что научился немецкому языку, будучи в плену в Германии, работая в Мангейме на «цукерфабрик» в 1916-1918-годах. Немец буквально простонал: «О, Мангайм, Мангайм...» и даже, как будто, хотел броситься обнимать деда, но сдержался. Оказывается, Мангейм был его родным городом. Он завёл нас в помещение, где не было никакой мебели, а лишь лавки у стен, и они с дедом начали оживлённый разговор, очевидно, делясь воспоминаниями о родном Мангейме.

Я был одет по-городскому. На мне были «морская» курточка, короткие штаны, чулки, пристёгнутые резинками

к лифчику, сандалии, на голове — фуражка-«капитанка». Я присел на скамейку и смотрел на немецкого офицера с любопытством и без страха. Тогда я ещё ничего не знал о расовой политике Германии в отношении «восточных областей». *Не знал я и того, что уже погиб Борис Шапиро, наш дорогой дядя Боба, что наш отец, Моисей Шапиро, командует полевым госпиталем 13-й армии, которая, огрызаясь, отходит на восток...*

В какой-то момент дед указал на меня и сказал, что мой отец, его зять, военный врач, капитан, где-то воюет. Это он перевёл мне, так же, как и ответ немца. Тот всё так же дружелюбно сказал, что он тоже капитан («гауптман»), что война скоро закончится, и мой отец вернётся домой. Он был уверен в своей скорой победе и великодушно обещал мне скорую встречу с моим отцом, его врагом.

Я не ощущал в нём врага.

Деда интересовало, скоро ли он сможет получить обратно свою землю и не помешает ли этому то, что в его хате живут дети командира Красной Армии, да ещё и еврея.

Немец и на это ответил уклончиво — вот война закончится, тогда и разберёмся. Он был офицер «ваффен СС» (боевых формирований СС), и не его дело было решать земельные и национальные проблемы. Его дело было воевать.

Солдаты стали растапливать печь в комнате, не открыв заслонку трубы. Из печи повалил густой дым. Дед закашлялся и добродушно обругал солдат, очевидно, применяя при этом немецкую нецензурную лексику. Солдаты восприняли это с добродушным похихатыванием, подчинились дедовым указаниям, и печка запылала.

Офицер попросил деда принести какой-нибудь домашней еды. Дед ушел, а я остался сидеть на лавке. В комнату входили подчинённые гауптмана, он отдавал распоряжения. На меня никто не обращал внимания.

Дед принёс десяток яиц и кусок сала. Гауптман велел солдатам соорудить яичницу на взявшейся откуда-то огромной сковороде. Мы с дедом скромно удалились.

После войны деда вызывали к следователю за коллаборационизм. Последствий это не имело.

Маша сразу же осудила отца за яйца и сало. Для неё немцы были враги, от которых она не ждала ничего хорошего. Она ещё не знала, как поведут себя немцы дальше. Не знала и того, что её отец, по существу, «сдал» меня немецкому офицеру-эсэсовцу, который, по счастливой случайности, оказался лишенным антисемитских предубеждений.

Вскоре в селе была сформирована административная власть. На сходе селян был формально избран староста. Им стал бывший лавочник. Его двор был третьим от нашего. На той же улице Иващенкивке, если идти от центра.

Стали возвращаться домой мобилизованные в Красную Армию мужики и парни. Они не собирались воевать и при первой же возможности перебежали к немцам. Те их не задерживали и отпускали по домам.

Молодые неженатые парни пошли служить в местную полицию. Они ходили в красноармейской форме со спортивными петлицами, на головах у них были шапки-кубанки, вооружены они были русскими винтовками.

Староста — высокий старик с большой бородой и торчащими в стороны усами, являл собой образец сельского «глытая» («мироеда»). Номинально он обладал большой властью. В селе над ним не было никого. Он подчинялся начальству, которое было в райцентре, в Борзне. У него было несколько человек в управе, ему подчинялись десятка два полицейских. Старосту не любили и презирали, и за прежнюю мироедство, и за пособничество немцам.

К тому же где-то в окрестных лесах были партизаны — председатели колхозов, сельсоветов, партработники,

а также, возможно, «окруженцы», по существу, дезертиры, отсиживавшиеся в лесах, пока где-то шла война. Наверно, у партизан была заранее заготовленная лесная база. Пока они не проявляли активной деятельности, но изредка приходили в село за продуктами.

Староста производил впечатление неумного и недоброго человека. Похоже, он пребывал в вечном страхе. Он старался выполнять требования немцев, но и легко шел навстречу просьбам сельчан, подкреплённым хорошим «хабаром» (взяткой), что не прибавляло ему авторитета. Ему давали кусок сала, пару десятков яиц, бутылку самогона, колобок масла и т. д. За это он смотрел сквозь пальцы на производство того же самогона, на забой кабана или телёнка, что было запрещено, на пропуск очереди «в подводу» (возрождённая ямская служба для перевозки чиновников, офицеров-порученцев и проч.).

Колхозы не были распущены, работа в них шла прежним ходом, но в колхозе не было скотного двора. Остались только лошади, которые были необходимы для работы. Они были розданы по дворам. Так у нас появилась крупная серая кобыла с гнедым жеребёнком, который уже успел превратиться в кобылку-подростка. У деда Лободёна с доколхозных времён сохранились сбруя, телега, сани и выездные санки. Он всё это подремонтировал и использовал для колхозных работ и для себя. Пару раз он ездил «в подводу». Один раз отвозил в Борзну немецкого офицера, в другой раз итальянского.

Пока что за работу в колхозе платили неплохо. Выдали «подушно» зерно — по числу членов семьи. У нас было десять душ, поэтому зерна мы получили много. Так же подушно выделили делянки не выкопанного ещё картофеля, сахарной свёклы, не убранных помидоров. Картошку собрали и со своего огорода. Собрали также рожь, просо, коноплю, рапс, мак, подсолнух, огурцы, капусту, тыквы, лук, чеснок, кукурузу, фасоль, свёклу, морковь. К осени закололи огромного кабана, зимой зарезали телёнка. Хотя последнее делалось глубокой ночью, всё же Маша отнесла старосте десяток яиц и «шматок» сала.

Корова давала много молока, и, хотя часть его надо было сдавать в счёт поставок, оставалось ещё достаточно много. Куры несли яйца, петушков резали на мясо. В общем, продуктов было достаточно для сносной жизни. А ещё не утраченные доколхозные навыки позволяли вести почти натуральное хозяйство.

Поздней осенью 41 года в селе начала работать школа. Маша, не раздумывая, послала меня и Тёму учиться: меня — во второй класс, Тёму — в четвёртый, последний, — школа была четырёхлетка. Записались мы под фамилией Шапиро.

В моём классе было не более десятка учеников — мальчишек и девчонок. Учительница учила нас, разумеется, по-украински, чтению, письму, арифметике и немецкому языку. Учебников никаких не было, учительница использовала листочки, вырванные из довоенных советских учебников.

Я не успел приглядеться ни к учительнице, ни к соученикам, как учение для нас с братом закончилось. Одна из наших учительниц пришла поздним вечером к нам и сказала Маше:

— Заберите ваших хлопцев. А то при первой же проверке заберут и их, и нас.

Я не ощутил в этом первый порыв зловещего дыхания Холокоста. Но было горько и обидно, что я не могу учиться, как все.

Впрочем, другим ученикам повезло не намного больше, чем нам с братом. Через село проходили немецкие войска, они часто останавливались на ночлег, а иногда и на постой на несколько дней. Обычно они занимали дома в центре села, в том числе и школу. Занятия часто прерывались, снова возобновлялись, пока не прекратились полностью. Говорили, что до получения новых учебников. Но они так и не появились.

Это мало утешало меня. Но что было делать? Приходилось как-то оправдывать своё существование трудом

в обширном хозяйстве деда Лободёна, для которого мы давно уже превратились из «дорогих гостей» в бездельников и «дармоедов». Но главным, очевидно, было то, что он боялся пострадать за то, что держит у себя в хате еврейских детей. Маша сосредоточилась на своих детях, и мы для неё тоже оказались лишними и опасными, поскольку из-за нас могли пострадать и другие члены семьи, так сказать, заодно с нами.

Чтобы не раздражать деда Лободёна, она запретила нам читать, забрала у нас книги и спрятала их где-то на чердаке. В то же время, мы должны были как можно больше трудиться в хозяйстве.

И мы трудились, понимая, что этим хоть в какой-то мере оправдываем своё существование.

Мы, например, активно участвовали в изготовлении из сахарной свёклы браги, из которой гнали самогон.

Сахарную свёклу скормливали понемногу корове. Для коровы это было лакомство, и молоко получалось жирное и сладкое. Но корова давилась свёклой, поэтому свёкла шла на самогон.

... Когда брага «созрела», дед от кого-то принёс самогонный аппарат, наладил его вместе с хозяином, и «процесс пошел».

Из печной трубы там, где работал аппарат, шел характерный дымок. Когда у нас «закурилось», в хату пожаловал полицейский — тусовчатый юноша в серой шинели, в красноармейских сапогах, с кубанкой на голове и с винтовкой в руках. Он поздоровался, поставил винтовку в угол к вилочникам, прошел к столу и сел. Ему предложили стакан «первача». Он был в мрачном настроении и сначала отказывался от подношения. Потом всё же дал себя уговорить, выпил стакан, не поморщившись, как воду, и не закусывая.

Его «взяло», и он разговорился. Его речь сводилась к тому, что жизнь собачья. Он хотел дать понять, что служба

требует от него прекратить «процесс», забрать аппарат и, может быть, даже арестовать самогонщиков. Но он ничего этого не сделает и вовсе не из-за того, что выпил стакан «первача», а потому, что он «свой», а не немецкий, и, вообще, человек, а не собака.

Посидев некоторое время, полицейский ушел.

Зимой мы много занимались изготовлением крупы из зерна на ножной ступе. Весной несколько дней тёрли мороженую картошку на крахмал. Несколько дней уходило на замачивание у колодца огромных бочек под капусту и другие соленья.

У нас проходил полный цикл обработки конопли и изготовления полотна.

Мы с Тёмкой участвовали в этом цикле. А потом щеголяли в полотняных штанах и рубашках, сшитых Машей на ручной швейной машине «Зингер».

Вместо ремня мы использовали самодельную верёвку, пуговицы сами вырезали из дерева.

В наши обязанности входило, в основном, вскапывание огорода лопатами, посадка и дальнейшая обработка картошки. И т. д. и т. п.

Примерно в феврале 1942 года Холокост пришел и в наши края.

По воскресеньям Маша иногда ходила на базар в Борзну. Как-то ранним воскресным утром она отправилась туда с двумя-тремя знакомыми женщинами. Пройдя примерно половину пути (5 км), они заметили впереди на дороге какое-то движение. Там виднелось несколько саней, выпряженные лошади, а в стороне, в поле, двигались какие-то люди и время от времени слышались выстрелы.

«Наверно, у полицейских учения, или же они охотятся на зайцев», — решили женщины и продолжали идти. Когда они

подошли к стоявшим на краю дороги саням, им навстречу бросился человек с винтовкой наперевес.

— Стой! Ложись! — закричал он.

Женщины решили, что он шутит, и продолжали идти, посмеиваясь. Но человек — это был полицей — остановился в нескольких шагах от них, наставил на них винтовку и с перекошенным злобой лицом заорал:

— Ложись... твою мать!

Женщины поняли, что он не шутит. Они остановились, в нерешительности, поглядывая на снег под ногами — в самом деле, ложиться, что ли?

— А ну, давай, проходи скорей! — крикнул им полицей.

Женщины торопливо, рысцой прошли мимо него. Маша обратила внимание на его ошалелые глаза.

— Быстрей! Бегом! — подгонял их полицей.

Женщины сначала побежали, затем перешли на быстрый шаг.

Рядом на обочине стояли сани с выпряженными лошадьми, на санях лежали узлы, тряпки или какая-то одежда, на дороге валялись какие-то бумаги, документы... Маша оглянулась и, видя, что полицей не смотрит в их сторону, быстро наклонилась и подняла с дороги оказавшийся у неё под ногами паспорт. Не разглядывая, сунула его за пазуху.

В Борзне на базаре только и было разговоров о том, что ночью увезли куда-то всех евреев. Их было свыше ста человек — женщин, детей, стариков. Говорили, что их увезли «на переселение». Никакого беспокойства ни у кого это не вызывало. Люди говорили об этом лишь как о несколько необычной новости.

Маша и её спутницы сразу догадались, что за «учения» лицаев они видели. Справив свои дела, они пошли обратно. К «тому» месту цепочкой тянулись любопытные. Маша и женщины тоже пошли посмотреть.

То, что они увидели, сильно потрясло Машу. Она потом много раз рассказывала об этом. Из этих рассказов у меня сложилась такая яркая картина, как будто я сам всё это видел.

... На некотором удалении от дороги кучками и поодиночке лежали трупы убитых людей. Блестели остекленелые глаза, торчали скрюченные руки, бурела на снегу замёрзшая кровь. Маша обратила внимание на старика и старуху, которые лежали, обнявшись, и между ними — двое детей, мальчик и девочка.

Наверно, в последний миг старик обнял свою старуху. Они прижали к себе внуков, и так приняли смерть. Но самое сильное впечатление на Машу произвели трупы грудничков. Несколько голеньких синих куколок лежали в одном месте на снегу. Их, очевидно, вытряхнули из пелёнок и не застрелили, а просто бросили в снег, стукнув по головёнкам прикладом, чтобы не пищали. В стороне от всех лежал труп мальчишки-подростка. Наверно, он рванулся к чернеющему на горизонте лесу, но пуля догнала его.

Да, — «чтобы убежать от пули, надо бежать очень быстро»...

Люди лежали мёртвые и безучастные. А скоты в человеческом обличье ходили среди них, переворачивали ногами упалками, искали знакомых. Кто-то стучал палкой по голове трупа и злорадствовал:

— Га! Попойилы курочок! Попанувалы! Тэпэр мы попануемо!

Маша поняла, что утром она и её спутницы проходили здесь как раз в тот момент, когда полиция достреливали тех, кто ещё шевелился.

Дома она рассказывала об увиденном, срываясь на нервные всхлипывания.

Паспорт, который она принесла домой, был на имя женщины-еврейки. В паспорт была заложена фотография девочки лет пяти с большим бантом на голове. Все рассмотрели паспорт и фотографию и бросили их в горящую печь

На обратном пути, на том месте, где стояли сани, никаких бумаг и документов уже не было.

На другой день — это было воскресенье, то есть расстрел евреев борзенские полицаи приурочили к шабату — дед Лободён запряг в санки нашу серую кобылу, посадил в них меня и брата, чего он не делал ни до, ни после этого, и повёз нас «смотреть», как он сам сказал. Но по пути он, очевидно, раздумал, развернулся, и мы поехали домой.

Когда я ехал в санках, у меня было лишь одно чувство — мне совсем не хотелось смотреть на мертвецов.

Некоторое время спустя, наблюдая за поведением деда по отношению ко мне и брату, я понял, какими чувствами руководствовался он, устроив нам поездку, будто бы на «смотрины». Слушая красочные рассказы Маши, он подумал, что за мной и Тёмой тоже скоро придут. И, чтобы не быть в ответе за укрывательство евреев, он решил свезти нас на место экзекуции и сдать полицаям, если они там будут, или, по крайней мере, показать всем, что он к этому готов.

По селу пошел слух, что меня и брата уже забрали. Несколько подростков пришли даже, чтобы убедиться в том, что это правда. Один из них зашел в хату, будто бы попить воды. Остальные остались снаружи на крыльце. Настя случайно подслушала, как тот, что заходил в хату, выйдя, разочарованно говорил друзьям:

— Говорили, что их забрали. Как же — сидят, отставив задницы!

Не думаю, что они хотели нам зла. Просто, если бы нас забрали, это было бы гораздо интереснее.

Никто не сомневался в том, что нас должны забрать и убить. Все относились к этому, как к естественному со- бытию, не испытывая к нам ни ненависти, ни сострадания.

Так же и дед Лободён. К этому времени мы ему порядком надоели. И хотя мы помогали по хозяйству, всё равно мы для него были дармоедами и нахлебниками. А теперь к этому ещё добавлялась угроза пострадать за укрывательство.

Местных полицаяв дед ни во что не ставил, презирал их и считал ниже своего достоинства привлекать их к решению своих проблем. Но, как мы потом узнали, для полицаяв мы тоже были проблемой, которую им пришлось решать.

В первые дни после освобождения к нам зашел один из полицаяв, знакомый Маше ещё с детства. Он рассказал, что накануне расстрела борзенских евреев в шаповаловскую полицию позвонили из Борзны. Велели в назначенное для ликвидации время подвезти своих евреев в указанное место. В Шаповаловке было всего четыре семьи, которые в той или иной степени имели отношение к еврейству. Три из них были местными, давно ассимилированными, которых за евреев никто не считал. Маша с Долей и Белкой относились к той же категории. О них вопрос не стоял. Маша была своя, знакомая с детства не только пришедшему к нам полицаяу. О нашей — моей и Тёминой матери, было известно, что она погибла. Кто она была по национальности, никто толком не знал. Маша говорила, что она была «белоруска из Литвы». Ей не очень верили, особенно люди, «любители пожаров», настроенные на уничтожение чего и кого угодно.

Таким образом, наиболее подходящими кандидатами для ликвидации оказались я и брат Тёма. Но, на наше счастье, среди шаповаловских полицаяв не оказалось ни одного любителя пострелять в живых людей, и они сообщили в Борз-

ну, что «приказ выполнен». По крайней мере, так говорил пришедший к нам, уже бывший, полицей.

То, что он говорил, было похоже на правду. **И в Борзне, и у нас ликвидация евреев была возложена на местную полицию. В Борзне полиция решила это дело самым зверским образом.** У нас же подошли к этому более гуманно. Очевидно, была такая возможность.

Расстрелянные люди пролежали на месте экзекуции до лета. Бабы-мародёрши и из Борзны, и из Шаповаловки снимали с них одежду. К нам как-то зашла одна известная в селе дуручка и хвасталась новыми стёгаными валенками с галошами, сделанными из автомобильных камер. Производство таких галош было распространено повсеместно. Дуручка, ухмыляясь, рассказывала, как она снимала эти валенки с убитой еврейки:

— Я тягну, тягну — нияк! Прымэрзло! Достала ниж, розри-зала, та й зняла. Потим зашила, и ось яки гарни валянкы!

И она гордо показывала свои ноги.

Мародёрством, наверно, занимались не только дуручки, но другие не хвастались награбленным «жидовским барахлом»...

Вскоре после освобождения села возле «сильрады» (сельсовета) стали вывешивать районную газету, выходившую в Борзне. Я каждый день бегал туда читать новости, главным образом, сводки Совинформбюро о положении на фронте. Однажды я прочёл в этой газете статью о том, как во время немецкой оккупации, в июне 42 года, на место расстрела «советских граждан» возле противотанкового рва пригнали группу заключённых, среди которых был и автор статьи. Их заставили закопать расстрелянных, от которых исходил ужасный запах.

Сейчас на том месте стоит памятный знак в виде надгробной пирамиды с пятиконечной звездой сверху.

И. Г. Эренбург в мемуарах «Люди, годы, жизнь», в книге 5-ой, в главе 21-ой, пишет: «Вот письмо учительницы посёлка Борзна (Черниговская область) В. С. Семёновой Я. М. Ростовскому: «... 18 июня 1942 года глубокой ночью, когда все спали, пришли в еврейские дома, забрали всех 104 человека и повезли к селу Шаповаловка, где был противотанковый ров. Глубокого старика Уркина спросили перед тем, как застрелить: «Хочешь жить, старик?». Он ответил: «Хотел бы увидеть, чем всё это кончится». Двадцатидвухлетняя Нина Кренгауз умерла с годовалой девочкой на руках. Учительница Раиса Беляя (дочь переплётчика) видела, как расстреляли её шестнадцатилетнего сына Мишу, сестру Маню с детьми (младшему было несколько месяцев), она уже не понимала ничего и только волновалась, что потеряла очки...».

Откуда у В. С. Семёновой такое хорошее знание деталей экзекуции? Неужели она присутствовала при этом? Но, я думаю, что всё это восходит к рассказам полицейских, которые производили расстрел.

Дата 18 июня 1942 года не соответствует действительности. Это я могу свидетельствовать по моим собственным воспоминаниям. Это было зимой.

В июне же, наверно, пригнанные на место расстрела заключённые из Борзенской тюрьмы закапывали полуразло-

Памятник на месте расстрела в Шаповаловке

жившиеся, полураздетые трупы, о чём поведал в газетной заметке один из «закапывателей».

Я, конечно, ничего не знал о решении нашей судьбы, и с ужасом ждал, что за нами вот-вот придут.

Я внимательно следил за поведением деда Лободёна, думая, что он ищет возможность от нас избавиться, ожидая, что за нами придут. Маша своим поведением и отношением к нам — ко мне и Тёме — всячески демонстрировала, что мы ей чужие, и она готова отдать нас на заклятие, лишь бы не тронули её детей. Она запретила нам читать, громко разговаривать, смеяться, выходить на улицу. За малейшую провинность она нещадно била нас. И Тёме, и мне довелось испытать, что значит порка на конюшне череседельником, когда голову зажимают между ног и лупят по голой заднице этим ремнём из конской сбруи. Потом кровавые красно-синие полосы не сходили целый месяц.

Куда подевались Машины установки — нельзя бить сирот?

У деда в Борзне был хороший знакомый, который в то время служил в городской управе. Иногда он бывал по делам в Шаповаловке, заходил к нам.

Это был видный мужчина лет пятидесяти, выглядевший, как потомственный украинский местечковый интеллигент. Он, очевидно, был неглуп, и вёл себя просто, не демонстрируя ни свою интеллигентность, ни, тем более, национализм. Бывала у нас и его жена, под стать ему, у которой, однако, простота основывалась не на уме, а на некоей недалёкости. Бывала и их дочь, взрослая девица, собиравшаяся, как говорили, замуж за немецкого офицера.

Этот чиновник вскоре стал бургомистром — главой администрации Борзны.

Дед говорил, что он очень не хотел занимать эту должность. Но у него не было выбора. Он уже настолько увяз в службе немцам, что отказ от повышения был бы расце-

нён, как предательство, со всеми вытекающими в условиях военного времени последствиями.

Не помню, он стал бургомистром до или после решения в Борзне «еврейского вопроса».

Дед Лободён, которого беспокоил этот вопрос в собственной хате, не видя никаких сдвигов в его решении, надумал обратиться к своему знакомому чиновнику в Борзну.

Тем временем наступила весна, весна 1942 года. Мы с Тёмкой включились в обычные весенние дела. Нам это давало хоть какое-то отвлечение и оправдание нашего существования.

Дед по-прежнему не замечал нас, весь поглощённый, как я думал, мыслью, как бы от нас избавиться.

Наступило лето, когда дед, наконец, собрался к своему знакомому в Борзну. Я с ужасом ждал его возвращения.

Он вернулся весёлый, у него будто гора свалилась с плеч. Наверно, бургомистр успокоил его, не видя в его положении ничего опасного. Сам же он, как человек разумный, не имел ничего против евреев и лишь «выполнял приказы» немецкого начальства.

Мы с братом никогда не делились друг с другом своими внутренними переживаниями. Но, наверно, и Тёма чувствовал, что мы всем чужие, ненужные и даже опасные.

Нашу работу никто не ценил. Получалось так, что нам делают одолжение, давая работать и жить.

Но за стол мы садились все вместе и ели из одной большой глиняной миски. Малых детей кормили отдельно и не всегда тем же, что и взрослых.

Вообще же все взрослые были заняты своими делами. Бабушка занималась хозяйством, а остальные работали в колхозе. Тем самым мы с братом были предоставлены

сами себе, жили и работали, не думая непрерывно, как нам тяжело живётся и что с нами будет. Мы были заняты порой целыми днями, но трудились не до изнеможения. Мы смеялись над смешным, дрались, поссорившись. Мы жили среди чудесной природы Черниговщины, жили возле земли, среди растений и животных, объедались тем, что было под ногами — вишнями, чёрной смородиной, маком и проч. Мы играли с нашей молодой кобылкой, которую после выбраковки запретили использовать для езды и работы. Она проводила дни и ночи в стойле, и, наверно, скучала, поэтому охотно воспринимала наши с ней игры.

Ранней весной бабушка под «пол» — дощатый настил, на котором спала вся семья, кроме деда, посадила двух-трёх квочек — наседок. Мы с Тёмкой с нетерпением ждали, когда, наконец, вылупятся цыплята. И вот, в положенное время, послышалось: «тук-тук-тук»... Мы достали надколотое яйцо и попытались помочь цыплёнку, расширяя отверстие в яйце. Бабушка, увидев это, отругала нас, сказав, что этим мы вредим, а не помогаем цыплёнку, что он погибнет, если не вылезет из яйца самостоятельно.

Вскоре «тук-тук» сменилось писком «цив-цив», и из-под ужасно озабоченной мамы-квочки появились восхитительные желтые комочки...

Оккупация продолжалась ещё полтора года. За это время умерла бабушка Евдоха, за ней, через сорок дней, Настя.

В селе появился немец-комендант. Он деятельно занялся преобразованием колхоза в помещичье хозяйство. Говорили, что одним из элементов преобразования будет тщательная «зачистка» села по расовым и политическим признакам.

Через село проходило много войск. Проходили не только немцы, но были и румыны, венгры, итальянцы и даже русские — власовцы. Остановился как-то на отдых рабочий батальон венгерских евреев. Однажды был отряд русин — закарпатских украинцев. А рабочий батальон словаков,

передылавших железнодорожные пути на европейский размер, зимой 1942-43-го простоял у нас целый месяц.

Однажды немцы остановились на длительный отдых, и у нас в хате пять дней жили с десятком солдат с унтер-офицером. Спали они на земляном полу, постелив солому и накрыв её плащ-палатками. Ели свою пищу. Нас обычно не замечали. Даже с дедом Лободёном, пытавшимся говорить с ними по-немецки, не стали общаться. Вообще, это были простые малокультурные люди. Некоторые их действия вызывали отвращение. Например, они сидели за столом под иконами в трусах и пилюшках (это было летом 1942 года), ели, громко выпускали газы и гоготали при этом.

Никто в селе уже не ждал от немцев ничего хорошего. Совершенно явственно вырисовывалась перспектива помещичьего хозяйства во главе с помещиком-немцем. Сами немцы вызывали неприязнь и даже гадливость.

Забрали и посадили в тюрьму где-то поблизости всех бывших «активистов» — тех, кто имел хоть какое-то отношение к Советской власти. Через некоторое время, ночью, их расстреляли.

Начали проявлять себя партизаны. Постепенно, по некоторым признакам стало ясно, что к нам движется фронт. Начались регулярные ночные бомбёжки Бахмача, теперь уже нашими самолётами. **А в конце лета 43-го года стал слышен сплошной гул фронта, и по ночам видно было зарево на востоке...**

Скорей бы! Скорей!.. Может быть, фронт раздавит нас мимоходом, но, может быть, мы уцелеем...

Нас освободили в первых числах сентября 1943 года. Дней десять после освобождения на село налетали немецкие самолёты, бомбили и обстреливали нас.

На пятый день, под вечер, когда «немец» улетел, у ворот нашего двора остановилась крытая полуторка. Из неё вы-

шел солидный офицер в очках. Я стоял над лазом в погреб, в котором мы прятались во время налётов. Тёмка ещё оставался в погребе.

— Тёмка, смотри — к нам какой-то генерал приехал! — сказал я брату.

Но в этот момент «генерал» сверкнул на меня очками, и я вдруг понял, что это — отец...

Его госпиталь был развёрнут в сорока километрах «по фронту» от Шаповаловки. В госпиталь непрерывным потоком поступали сотни раненых. Отец из армейской газеты узнал, что Шаповаловка освобождена. Он отпросился у начальства и поехал к нам, не надеясь застать нас живыми.

Ещё через две недели начала работать школа. При немцах, два года назад, меня и Тёму попросили не ходить в школу, теперь нас пригласили...

Впереди были ещё почти два года войны. Но мы учились в школе, с тревогой и надеждой ждали писем от отца. Работали, как свободные люди, и над нами не висела угроза уничтожения.

Отец заехал к нам ещё на один час, когда его госпиталь снялся с места и вместе с армией устремился к Днепру. Отец оставил нам пачку книг.

И я мог читать эти книги при колеблющемся свете каганца, став коленями на лавку и опершись локтями на стол. И никто не мог ругать меня, ударить, отнять книгу...»

Сергей Бугров

Сергей Бугров
гр. 9411

Надо запомнить те уроки, которые преподнесла Великая Отечественная война.

Была война, но мы пришли живыми

Моего дедушку, сержанта Василия Степановича Иванишина, война застала в городе Риге. Оттуда он и отправился на фронт. А моя бабушка, Любовь Николаевна, жила в Саратовской области.

В начале войны ей пришлось бросить школу и пойти работать, чтобы кормить семью. Соседка устроила её официанткой в столовую. Там за работу давали суп и хлеб.

А в 1943 году, когда семнадцатилетняя Люба окончила курсы и стала связисткой, она ушла на фронт.

Пока сержант зенитной батареи Василий Иванишин воевал, то наступая, то отступая вместе с советскими войсками, юная связистка ещё и не видела, и не понимала, что же это на самом деле такое — война. Поняла это, когда попала под первую бомбёжку на станции Дно. Ужас, пережитый тогда девушкой, остался самым страшным впечатлением в её жизни.

Василий Степанович воевал и был уже командиром батареи, которая обстреливала наземные укрепления врага и, самое главное, сбивала фашистские самолёты. Батарею не один раз пыталась уничтожить немецкая авиация.

Командир батареи и связистка — каждый своими путями, военными дорогами — дошли до Германии, где и встретились.

Во время своего дежурства Люба приняла звонок: надо встретить командира батареи, а то сам по развалинам не доберётся. А через час для доклада в штаб явился Василий Иванишин.

Так дедушка с бабушкой и познакомились и теперь уже воевали в одной части, с которой дошли до Берлина. Там, в Германии, в разрушенном Берлине, они и справили свадьбу, на которой, по воспоминаниям жениха с невестой, гуляла вся часть. Это было летом 1945 года.

Мои дедушка с бабушкой прожили вместе 63 года. В марте 2009 года дедушки не стало.

У Иванишиных много наград, которыми они всегда гордились. Они часто вспоминали события своей молодости и рассказывали нам, своим детям и внукам, о прошедшей войне. О том, что стало не только их личной болью, но и трагедией всего поколения.

Я горжусь своими дедушкой и бабушкой — Василием Степановичем и Любовью Николаевной Иванишиными.

Чем дальше от нас Великая Отечественная война, тем больше мы осознаём величие народного подвига. И тем больше — цену победы. 27 миллионов погибших! А сколько искалеченных, изломанных жизней, не состоявшихся судеб, нерождённых детей!

Василий Степанович и Любовь Николаевна Иванишины

Сколько слёз материнских, отцовских, вдовьих, сиротских было пролито!

Надо запомнить те уроки, которые преподнесла Великая Отечественная война, понять, что всегда можно и нужно находить компромиссы, договариваться и не допускать военных конфликтов. Плохой мир — лучше хорошей войны.

От нас сейчас зависит, сохранится ли память о погибших. Она священна! И должна навсегда оставаться с нами!

Константин Епифанов, Владислав Леонидович Колобов, Сергей Бугров

Сергей Бугров
Константин Епифанов
гр. 9411

Жизнь, отданная долгу

Владислав Леонидович Колобов родился 22 июня 1929 года в Алтайском крае. В день, когда началась война, ему исполнилось 12 лет.

Вот как вспоминает ветеран то военное время:

«Это подлинник моего свидетельства о рождении. По нему я работал во время войны. Паспорта у меня ещё не было, а в советские годы все места работы фиксировались именно в паспорте. А если паспорта нет, то в любом докумен-

те, удостоверяющем личность. У меня в свидетельстве о рождении сохранились все записи. Мои льготы, медали — всё в соответствии с ними.

Мой отец прошёл три войны: первую мировую, гражданскую и Великую Отечественную. День Победы встретил в Берлине. В мирное время работал плановиком, потом главным бухгалтером на предприятии.

Умер в 95 лет, в мой День рождения, — 22 июня. *Такое это для меня роковое число — день летнего солнцестояния, начало войны, мой День рождения, смерть отца...*

Мой старший брат, 1923 г. р., умер 3 года назад. Он тоже прошёл ВОВ, был ранен, контужен.

Жили мы до войны в небольшом шахтёрском городке, в районном центре на правом берегу Верхнего Иртыша.

Мать у меня из казаков. Семиреченское казачество было основано для защиты восточных рубежей страны и охраняло огромную территорию: Среднюю Азию и Сибирь почти до Красноярска.

Кроме казаков, были бергалы: от немецкого «берг» — гора. Говоря современным языком, — это горнорабочие, шахтёры. В шахтах — вся таблица Менделеева. Мой дед по отцу был из бергалов, работал в шахте. Дед умер в 1941 году, на 96-ом году жизни. Со стороны отца у нас все — долгожители.

Когда началась война, все мужчины ушли на фронт. Остались старики, женщины, дети. Поскольку в полиметаллических шахтах детский труд запрещён, я работал разнорабочим на поверхности. Да там и взрослые работали по 6 часов. Сейчас, по-моему, столько же.

Так я работал до 1945 года, потому и десятилетку окончил на год позже, в 1948 году. После школы пятеро ребят из нашего класса стали моряками, я в их числе.

Я поступил в Каспийское Высшее Военно-морское Краснознамённое училище имени С. М. Кирова. Это первое советское военно-морское училище. Учились там 5 лет: 4 года изучали теорию, а дальше шла стажировка. Но получилось так, что нас выпустили без стажировки. В то время шла война в Корее. Обстановка была серьёзная, и в связи с этим нас выпустили на год раньше, в 1952 году.

Я попал служить на Краснознамённый Балтийский флот.

Вообще-то, моя военная профессия очень мирная и полезная. Она связана с уничтожением минных заграждений на море. На Балтике даже во время второй мировой войны ещё оставались мины с первой мировой. Было установлено более 10 000 мин.

В обычном представлении мина — это что-то круглое и не очень большое. На самом деле, мина — агрегат величиной с небольшой стол и с весом взрывчатки от 300 до 600 кг. Мины бывают разные: гидродинамические (когда корабль над ними проходит, то давление меняется, и мины взрываются), электромагнитные (срабатывают от электромагнитного поля корабля), индукционные».

Тогда на Балтике было 2 флота: 4-ый и 8-ой. Колобов служил на 4-ом. Впервые попал за границу в 1952 году, в Финляндию. Недалеко от Хельсинки была советская военно-морская база Порккала-Удд. Советские корабли базировались там по договоренности с финским правительством. Позже основная база располагалась в Балтийске. А боевые операции проводились на территории современной Польши и ГДР. Вот там Владислав Леонидович и получил боевое крещение.

Сначала был командиром корабля, потом начальником штаба, потом командиром дивизиона. Служил в Балтийске, в Риге. В 1965 году его перевели на Тихоокеанский флот, и там он прослужил 18 лет. От Владивостока до Анадыря — его рейд. Все Курилы знает, как свою комнату. Там служил в Корсакове (основная база на Сахалине), потом — в Северокурильске, на острове Парамушир (один из самых больших островов Курильской

гряды) и в Петропавловске-Камчатском.

В 1974 году отряд кораблей Тихоокеанского и Черноморского флотов занимался разминированием в Красном море. В подчинении Колобова было шесть кораблей. В отряде был один ракетный корабль для защиты и противолодочный вертолетоносец «Ленинград». На Черном море их было всего два — «Москва» и «Ленинград».

Ветеран вспоминает:

«Всё ещё шла война между Египтом и Израилем.

Нам, конечно, ни американцы, ни израильтяне не давали свободы действий. Но мы справлялись. У меня было более полутысячи подчиненных.

Как-то был повреждён один из моих кораблей. Получил пробоину. Когда в танк (топливную цистерну) пошла вода, трюмный машинист, Юрий Миронов, нырял в солярку. Водолазные костюмы от нефтепродуктов защищали плохо. Но он всё равно сумел заделать пробоину. Тем самым спас корабль и весь экипаж. После этого его больше месяца лечили в госпитале. За этот поступок он был награждён орденом Красного Знамени.

В Египте мы пробыли более полугода. Там температура в тени была: плюс 43-45 градусов. А корабль-то из металла! Как по сковородке ходили. Там и в обычных-то условиях было жарко, а на корабле, когда доходило до 60 градусов, было и вовсе нестерпимо!»

Владислав Леонидович Колобов

Владислав Леонидович показал нам свои фотографии. Их очень много. Даже не видя фотографий, можно представить, что изображено на снимках, — настолько точно он их комментировал. Слушать Владислава Леонидовича было очень интересно. По его скупым описаниям можно было легко представить, какой богатой впечатлениями и событиями была его жизнь.

«Это я возвращался из Египта. Там я похудел на 14 кг. И не потому, что сидел на диете. Просто шла война...

Это мой замполит. Он с ребятами выпустил буклет. Вот что там написано: «Капитан 2-го ранга Колобов В. Л. Перед людьми и прочими всеми удостоверяю, что мореходец советский на борту военного корабля «Сахалинский комсомолец» флота Российского пересёк 2 океана и 10 морей и навеки зачислен в морские души. Лето 1974 года».

Это мы в проливе Лаперуза. Касатка. Стая касаток. Вот горбыль.

Вот Хургада. Находится на западном побережье Красного моря. Посмотрите, что она в те годы из себя представляла. Был небольшой посёлок.

Это Курилы. Шикотан — самый южный остров Курильской гряды. А это посёлок Крабовое, тоже на Шикотане, 69-ый год.

Это закат в Тихом океане. Красиво.

Это противник с самолета дал по нам очередь. Всё хорошо видно.

Это я, когда поступил в училище. На первом курсе принял присягу. Мы ходили с палашами, их потом отменили. Палаши были введены для морских гардемарин ещё в царское время, но потом власть сменилась, и их отменили. Мы даже в увольнение с ними ходили. Форма на флоте практи-

чески не меняется. Меняется только в армии, а на флоте она стабильна.

А вот Цусима, Корейский пролив. Все советские военные корабли и гражданские суда опускают в этом месте в воду венки. Здесь в 1904 году героически погибла наша эскадра.

Это я уже после училища, звание — не капитан, а капитан-лейтенант, 1960 год.

А эту телеграмму я храню очень бережно. С нами в походе был оператор студии документальных фильмов. Он снимал всё, что происходило с нами в Египте. Потом вышел фильм. Вот что здесь написано: «Корсаков, Сахалинская область. Колобову и Аполлонову. Сердечно поздравляю с военно-морским праздником, желаю вам лично, супругам, детям здоровья, успехов. Наш фильм-репортаж из Суэцкого залива шёл с успехом на Московском международном кинофестивале. Вне конкурса — бурные аплодисменты, они в равной степени относятся к Аполлонову, Колобову и всему отряду. Передайте морякам горячий привет и поздравления. Благодаря их действиям, уже прошли по Суэцкому каналу караваны из 860 судов. Обнимаю вас всех, мои боевые друзья. Сергей Киселёв».

Оператор Киселёв сопровождал многие правительственные поездки за границу. Он побывал в 80 странах.

Это американский авианосец.

Это острова Кунашир, Сахалин.

Это Исландия и Гренландия. Там пролив — он называется Датский пролив. Мы там были два месяца. Сорок с лишним суток страшно штормило. Ещё помню, тогда по радио транслировали похороны Черчилля.

А это была у нас на корабле обезьяна Машка. Вот Машка сидит на шлюпке. Она у нас свободно бегала по кораблю. Один матрос её как-то раз стеганул. Машка запомнила

обиду. Потом, когда он шёл по коридору, обезьяна всегда пряталась. А однажды подстерегла и схватила его за ногу, а кусалась она здорово! Пришлось потом обидчику от неё бегать. Как-то нам привезли продовольствие и попросили Машку на одну неделю. Мы отдали. Потом их послали в одно место, нас — в другое. Вот так Машка у них и осталась. Больше мы её не видели.

Вот Новый год в Индийском океане, в Индонезии. Новый год, а мы в шортах. Заполиты всегда брали с собой листы картона. И на Новый год наши художники рисовали зелёную ёлку, а на ней — игрушки.

А вот остров Шумицу — это один из северных островов Курильской гряды.

Я побывал в Финляндии, Прибалтике, Дании, ФРГ, ГДР, Польше, Англии, Испании, Марокко, Мавритании, Сенегале, Египте, Йемене, Сомали, Сингапуре, Японии, Корее, на Мальте.

Хорошо знаю моря: Балтийское, Северное, Норвежское, Средиземное, Аравийское, Андаманское, Южно-Китайское, Восточно-Китайское, Филиппинское, Японское, Охотское, Берингово, Восточно-Сибирское, Каспийское, Азовское, Черное. Бывал на Амуре, глубина там в некоторых местах до 90 метров.

Пройдено 12 проливов: Лаперуза, Татарский, Корейский, Бабуян, Сингапурский, Малаккский, проход 9-го градуса, проход 8-го градуса, Баб-Эль-Мандебский.

Первая моя награда — это медаль «За боевые заслуги». Самый дорогой для меня — орден Красной Звезды. И ещё одна, очень дорогая для меня медаль, — «Воину-интернационалсту», за Египет. Есть много юбилейных медалей».

Слушая Владислава Леонидовича Колобова, мы поражаемся — **как же много может вместить в себя человеческая жизнь!** Жизнь, отданная долгу, настоящей мужской работе.

Константин Епифанов
и Алексей Иосифович Гапонов

Они защищали тебя, Ленинград!

До войны Алексей Иосифович Гапонов окончил 7 классов Торбинской средней школы Окуловского района Новгородской области.

Зимой 1941 года фашисты заняли почти всю территорию Мало-вишерского района и подошли к границе Окуловского. Семья Гапоновых успела эвакуироваться в Саратовскую область. Там в городе Маркс Алексей поступил в ремесленное училище, по окончании которого получил профессию токаря.

Длительное время работал токарем на военном заводе. Завод выпускал для фронта снаряды и мины. Люди, в том числе

**Сергей Бугров,
Константин Епифанов**
гр. 9411

Ветераны до сих пор поражают нас своим жизнелюбием, оптимизмом, силой духа, готовностью служить общему делу.

Сергей Бугров и Алексей Иосифович Гапонов

подростки, не уходили с работы до тех пор, пока не выполнят всё задание. Работали в годы войны по 11-12 часов. Без выходных, не досыпая, как следует не поев. Алексей, как и почти все подростки, рвался на фронт, и в 1944 г., когда ему исполнилось 18 лет, был призван в армию.

С места призыва в городе Аткарске Саратовской области его направили в Киев, определили в 9-ый ОЗСП (отдельный запасной полк связи), где Алексей прошёл курсы радиотелеграфистов и телефонистов. Оттуда направили в Ленинград в 3-й Пинский полк 1-ой Мозырской Краснознамённой дивизии морской пехоты Балтийского флота (штаб флота располагался в Таллинне).

Весной 1944 года дивизию направили в Финляндию, и, хотя Финляндия — союзник Германии — к тому времени уже капитулировала, оставалась угроза нападения немцев на Ленинград со стороны моря.

«Командование Балтийского флота, — вспоминает ветеран, — на трофейных финских кораблях направило нас сначала в Хельсинки, а оттуда — в Порккала-Удд, в тридцати км юго-западнее финской столицы. Район Порккала-Удд — самое узкое место Финского залива, между Таллинном и базой — 60 км, а между финскими и эстонскими островами — всего 36 км. Это место удобное для тех, кто хочет перекрыть вход-выход из Финского залива. *Перед нами стояла задача — создать на берегу залива военно-морскую базу, которая должна стать препятствием для вражеских кораблей и подводных лодок на пути к Ленинграду.*

Вторая задача — вместе с бригадой ихерных (островных) кораблей очистить острова в Финском заливе от остатков немецких войск.

Я был в группе радиотелеграфистов, выполнявших задание на радиостанциях скоростных бомбардировщиков».

Задачи, поставленные командованием перед дивизией морских пехотинцев, были выполнены полностью во второй половине 1944 года. Вражеские корабли к Ленинграду не прошли, острова в Финском заливе были очищены от противника.

Война закончилась, но обстановка в мире была такой, что руководство страны не спешило выводить войска из Финляндии. СССР потребовал от Финляндии для своей военно-морской базы права аренды территории на 50 лет после окончания второй мировой войны. На самом деле база существовала здесь с 1944-го по 1956 год, когда в связи с изменившейся международной обстановкой и появлением новых видов оружия массового уничтожения Н. С. Хрущёв решил отказаться от этой территории. В течение трёх месяцев база была эвакуирована, а её основные сооружения взорваны. Но даже взорванные, они и сейчас дают представление о былой мощи и усилиях, затраченных на возведение этой крепости. Всего известно о более чем 300 бетонных дотах, бункерах, батареях и командных пунктах на территории бывшей БМВ.

О военно-морской базе Порккала-Удд в средствах массовой информации практически не сообщалось, о ней большинство со-

Алексей Иосифович Гапонов
во время службы в Советской
Армии (1948 г.)

ветских людей ничего не слышали. Эти страницы истории Великой Отечественной, к сожалению, остались забытыми.

«Большие трудности, — рассказывает Алексей Иосифович, — испытывало после войны население Финляндии — разруха, голод, болезни, лесные пожары. Нам приходилось оказывать помощь жителям деревень. Моряки часто выезжали в команди-

ровки в Ленинград, Таллинн. Поезда по различным причинам делали на станциях длительные остановки. Ребята выходили из вагонов, общались с финнами, а те обычно просили хлеба, папирос, сахара. Им помогали».

Шесть лет прослужил А. И. Гапонов на военно-морской базе в Хельсинки. В 1950 году демобилизовался и уехал на Родину.

А дома ждала другая работа. Надо было восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство. Руководство страны призвало молодёжь оказать помощь сельскому хозяйству, которое пребывало в полном запустении. И многие молодые ребята, активные комсомольцы, дали согласие поехать в деревню.

«Меня направили, — продолжает Алексей Иосифович, — в колхоз «Памяти Миклухо-Маклая» Окуловского района, где на колхозном собрании я был избран председателем колхоза. Вместе со мной в колхоз была направлена группа молодёжи во главе с секретарём райкома комсомола Ивановым Михаилом Ивановичем, который стал работать свиноматом в деревне Иногоца, а девушки пошли на животноводческие фермы — доярками, телятницами, парни — строителями, механизаторами.

Затем в разные годы я был председателем Окуловского и Маливишерского райисполкомов, первым секретарём

Алексей Иосифович Гапонов (слева) во время службы в Советской
Армии (1948 г.)

Мошенского и Любытинского райкомов партии, а бывший свиноматом колхоза «Памяти Миклухо-Маклая» Иванов М. И. — первым секретарём Маревского РК КПСС.

В последующем мне довелось возглавлять Новгородский трест племенных совхозов, Областное управление мелиорации и водного хозяйства. Параллельно учился на экономическом факультете Ленинградского сельхозинститута».

За ратную и трудовую деятельность Алексей Иосифович Гапонов награждён орденами: Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», многими медалями. И хотя сделано в жизни немало, героем и заслуженным деятелем себя не считает.

«В период моей работы в районах, — вспоминает ветеран, — люди старшего поколения были предоставлены сами себе. Что-то делали для них партийные, профсо-

юзные организации, представители власти, но специальной службы для работы с пенсионерами не было.

В 80-е годы перед активистами Новгородского областного совета ветеранов встала непростая задача формирования ветеранских организаций во всех районах, городах, поселениях, на предприятиях, в организациях, колхозах, совхозах, и в течение десяти лет эта работа, в основном, была завершена.

Вопросы социально-бытового обеспечения ветеранов в настоящее время являются основными в работе Областного совета ветеранов и его Президиума. И это не случайно. Ведь условия жизни наших пенсионеров пока остаются плохими, нерешённых проблем очень много».

В настоящее время как член Президиума Новгородского областного совета ветеранов, Алексей Иосифович Гапонов возглавляет комиссию по организационно-методической работе с ветеранами. Он не мыслит себя без общественно-полезной работы. Много внимания уделяет работе с ветеранским активом, встречается с молодёжью.

Война — это всегда тяжёлое испытание не только для страны, но и для каждого отдельного человека. Многие участники войны принадлежали к поколению тех молодых людей, которые попали на фронт, едва окончив школу. Юноши и девушки, которые

Алексей Иосифович Гапонов, ветеран ВОВ, председатель комиссии по организационно-методической работе Областного совета ветеранов с 1987 года

Воинское захоронение советской военно-морской базы Порккала-Удд

только вчера строили планы начинающейся взрослой жизни, шагнули навстречу опасности и смерти, заменили взрослых у станков на фабриках и заводах, уехали в деревню восстанавливать разрушенное сельское хозяйство, пережили голод, холод, лишения, болезни. И при этом сумели сохранить в себе доброту, любовь, сострадание. Живущие среди нас, они до сих пор поражают нас своим жизнелюбием, оптимизмом, силой духа, готовностью служить общему делу.

Константин Елифанов
гр. 9411

Дед не любил
вспоминать
эти годы.

Константин Елифанов

Им выпала такая участь

Так получилось, что своего деда я совсем не знаю. Он умер, когда моя мама заканчивала 10 класс. Это случилось 14 мая 1978 года, но до сих пор многие в нашем селе вспоминают его добрыми словами, потому что был он отзывчивым, сильным человеком, всегда готовым прийти на помощь другим людям. Мама, бабушка и моя тётя всегда приводят его в пример. Этот рассказ — то не-многое, что я узнал о нём от своей мамы.

Мой дед, Андрей Фёдорович Иванов, родился 19 сентября 1919 года в деревне Берёзовка Ермаковского района Красноярского края. В семье, кроме него, было ещё четверо детей: брат и 3 сестры. Мою прабабушку звали Мария Марковна, родом она

Андрей Фёдорович Иванов

была из Воронежа. А прадед, Фёдор Ильич, был коренным сибиряком. Он гнал дёготь в тайге, добывал дичь на охоте, жил и кормил свою семью. А прабабушка хлопотала дома по хозяйству.

В деревне была только начальная школа, и, чтобы продолжить учёбу, мой дед ходил в соседнюю деревню за несколько километров пешком, зимой — на лыжах. После окончания школы он учился на ветфельдшера в районном центре, а в 1937 году был призван в ряды Красной Армии.

Служил дед на Дальнем Востоке. Там он зарекомендовал себя с хорошей стороны, поэтому ему после окончания срока службы предложили остаться в армии. Дед был направлен на ускоренные курсы комсостава войск НКВД. Закончил он их перед самой войной — в июне 1941 года. **Так как нашей стране угрожала не только Германия, но и Япония, дед встретил войну на Дальнем Востоке.**

Когда же обстановка на Северо-Западном и Волховском фронтах обострилась, и враг начал рваться к Москве и Ленинграду, часть войск с Дальнего Востока перебросили на Северо-Запад. Так в конце 1941 года мой дед оказался на Новгородчине. Бабушка вспоминала, как у них в селе Мста (так называлась раньше Бронница) появились лыжники в белых масках. В это время фашисты забрасывали очень много диверсантов в наши сёла, и мой дедушка со своими фронтовыми друзьями выявлял и ловил эту фашистскую нечисть.

В январе 1944 года войсковая часть моего деда была переведена на Кавказ в город Хасавюрт. Там дедушка боролся с теми, кто помогал фашистским захватчикам, предавал нашу Родину, кто убивал местных жителей и военнослужащих Красной Армии, а затем скрывался в горах Кавказа. Дед не любил вспоминать эти годы — слишком много жестокости и крови пришлось ему увидеть.

Затем дед воевал в Прибалтике. Там они ловили бывших карателей и, так называемых, «лесных братьев», тех, кто служил в гитлеровских войсках, кто убивал местных активистов и мешал восстановлению Советской власти в Прибалтике.

Андрей Фёдорович был очень общительным человеком, честным, порядочным, верным другом, был «душой компании», поэтому у него было очень много друзей. И как приятно читать строки на обороте их фотографий: «Лучшему другу и командиру».

К сожалению, мама не помнит, в каком звании дед закончил службу. У него было много боевых наград.

Во время войны были не только слёзы, но и радостные, незабываемые моменты. В 1942 году дед познакомился с моей бабушкой. Какой теплотой и нежностью наполнены обращённые к ней слова на обороте фотографий!

После войны он продолжил службу в войсках Прибалтийского военного округа. Затем, по семейным обстоятельствам, ушёл в запас. Жили с бабушкой в Сибири, позже вернулись на её родину. Здесь у них родились две дочери.

После службы в армии Андрей Фёдорович долгое время работал инструктором райкома партии. Затем был направлен секретарём парторганизации в колхоз «Урожай». Вёл большую общественную работу: проводил политзанятия в колхозе. Очень любил читать воспоминания Г. К. Жукова. Для него Жуков был образцом для подражания. Часто выступал в школах, на митингах 9 Мая. Бывал на встречах с ветеранами войны. Переписывался со своими фронтовыми друзьями.

Последние годы работал ветфельдшером в колхозе «Урожай». Односельчане и жители окрестных сёл и деревень очень любили и уважали его за честность, открытость. Он никогда не отказывал людям в помощи. В любое время суток, днём и ночью, люди обращались к нему с просьбой в лечении домашних животных, и дедушка всем помогал. Его в шутку называли «наш доктор Айболит». Дед был очень весёлым, артистичным человеком, замечательным Дедом Морозом на детских новогодних праздниках, прекрасно пел.

Война подорвала его здоровье. И хотя он никогда не жаловался бабушке на свои недуги, но часто хватался рукой за сердце. Смерть матери, моей прабабушки, на похороны которой он не смог поехать, сильно его подкосила. Дед умер на 59-ом году жизни. Ещё никогда в нашем селе не было на похоронах такого количества людей. Смерть деда была трагедией не только для нашей семьи. Любовь к нему бабушка сохранила в своём сердце до конца жизни.

В 2003 году она умерла.

Мы чтим память нашего деда; ухаживаем за его могилой, носим цветы. Мне его очень не хватает, и, глядя на его фотографии, я представляю, что мы сидим с ним рядом, и он рассказывает мне о тех далёких военных годах. Очень жаль, что этому никогда не суждено сбыться.

Владимир Чежегов

Владимир Чежегов
гр. 7061

Наши ветераны
выполнили свой
долг перед Родиной,
сохранили жизнь
на нашей земле.
Мы их всегда будем
помнить!
Мы гордимся ими!
Мы их очень любим!

Нам не забыть тех страшных дней

Иван Яковлевич Коваль родился в 1923 году во Владивостоке. В 1941 году в 18 лет окончил десятилетку. В субботу 21 июня отпраздновали выпускной вечер, а в воскресенье утром началась война.

25 июня Ивана вызвали в военкомат и тут же определили в военное училище связи. Через полгода, 23 февраля 1942 года, зачислили на службу в военно-морской флот на подводную лодку типа «Щука». Это лодка среднего класса.

Подводники патрулировали восточные территориальные воды. Опасность исходила от японцев.

В августе 42-го был создан дивизион подводных лодок. В нём было четыре «сталинки», две «ленинки» и две «щуки». Самую

большую опасность представляли не чужие корабли и даже не мины, а вражеские самолёты. Подводные лодки того времени опускались на относительно небольшую глубину — около 150 метров. Вода была прозрачная, и лодки были хорошо видны с высоты. Как-то раз после угрозы нырнули все восемь лодок, а всплыли на поверхность только семь, одну «ленинку» потеряли.

В группе были лодки разного класса — маленькие, средние, большие. Все были дизельными. Спали моряки на койках возле торпед.

В 1943 году дивизион направили на Северный флот. Путь был трудным — шли четыре месяца, прошли восемь морей и два океана, усеянных минами. В конце года прибыли в Полярный.

Иван Яковлевич уже служил на «сталинке», на борту было до 57 человек. Мин было очень много. Они были магнитными и при близком расстоянии притягивались к подводным лодкам. Их старались обойти и расстрелять. Потери были большие.

Основной задачей на Севере стало сопровождение судов союзников, на которых доставлялись в нашу страну вооружение, продовольственные и хозяйственные товары. **Бывало так, что получали сообщение об отправлении каравана из 36 судов, а приходили к месту назначения 6-7.**

Служба на Севере была очень опасной. Неоднократно вступали в бои с другими кораблями: транспортниками, баржами, миноносцами, и выходили победителями. Но однажды подводную лодку, на которой служил Коваль, подбили. Ивану Яковлевичу

Иван Яковлевич Коваль

повезло, потому что он был в торпедном отсеке. При аварии отсеки автоматически закрывались, и передвижение по ним было невозможно. Коваль и ещё три человека спаслись через торпедный аппарат при помощи троса аварийного буя, который в такой ситуации взмывал на поверхность. Сыграло добрую роль и то, что это случилось на глубине около 30 метров. Но всё это было в Баренцевом море при очень низких температурах. Повезло, что терпящих бедствие моряков быстро подобрали наши противолодочные корабли.

Иван Яковлевич рассказал о случае, когда их лодку бомбили сутками, сбросили около 300 подводных бомб. Вражеские корабли обнаружили лодку, оцепили сектор и бомбили. На борту к тому времени не хватало кислорода, рядом громыхали взрывы. Но судьба была благосклонна к нашим морякам и спасла их от гибели.

Это уже позже появились подводные лодки, способные по полгоду находиться под водой, не всплывая. Благодаря им, по словам ветерана, не разросся во времена «холодной» войны «Карибский кризис». Обстановка не вышла из-под контроля и с течением времени урегулировалась. За это мы должны быть благодарны в значительной степени нашим доблестным подводникам.

Во время службы на Севере случалось всплывать в норвежских водах. Там было наиболее безопасно, но даже там приходилось быть начеку. Во время одного такого всплытия Коваль был ранен, но, к счастью, без тяжёлых последствий.

Бывало так, что при бомбардировке глубинными бомбами подводная лодка почти вставала «свечкой». На войне не только сражались с врагами, но и спасали своих попавших в беду товарищей, подбирая их на воде.

После капитуляции Германии подлодки отправились обратно на восток северным морским путём. Дорогу прокладывал ледокол.

Дошли до Камчатки. Там воевали с Японией. Коваль служил на Востоке с 1945 по 1948 год. Потопили 2 баржи, 2 миноносца, один тральщик, который тралил мины.

После демобилизации в 1948 году Иван Яковлевич работал связистом на передающем центре в Уссурийске, в 110 км от Владивостока. Через год его призвали на службу в КГБ. Три месяца учился в школе в Хабаровске и до 59-го года работал в управлении КГБ во Владивостоке. В этом же году его перевели в отдел КГБ Новгорода. Но тут со службой не сложилось — в 36 лет у него был инфаркт. После болезни ушёл на пенсию.

В декабре того же года устроился на завод «Планета». Позже попал на химкомбинат. А случилось это так. Японцы привезли на «Акрон» свои технологии и оборудование. Нужен был человек, который сумеет в этом разобраться. Попросили Ковалья. Он помог и остался на химкомбинате на долгие 17 лет.

Иван Яковлевич показал мне свой фотоальбом. В нём много фотографий, которые сделаны на встречах ветеранов, на праздничных мероприятиях. Есть снимки, на которых он со своими товарищами стоит совсем юный на берегу возле своей лодки. На других снимках он в КЮМе с курсантами и с нынешними подводниками. С ними он ежегодно встречается в День Военно-морского флота. Среди них он единственный участник ВОВ. До недавнего времени в Новгороде было ещё 2 человека, служивших в годы войны на Черноморском и Северном флотах. Но сейчас остался только Коваль.

Он показал мне также снимок подводной лодки С-56, на которой служил и которая сейчас находится в музее во Владивостоке.

Родина высоко оценила ратный труд ветерана, наградив его многими орденами и медалями. **Коваль не считает себя героем, но он, как и каждый участник войны, тоже вписал свою строчку в летопись войны, в общую победу.**

Наши ветераны выполнили свой долг перед Родиной, сохранили жизнь на нашей земле. Мы их всегда будем помнить! Мы гордимся ими! Мы их очень любим!

Мы учимся истинному патриотизму у ветеранов Великой Отечественной войны. Они передают нам своё чувство Родины. А без этого нельзя!

Владимир Чежегов
гр. 7061

Война совсем не фейерверк, а просто трудная работа

С участником Великой Отечественной войны Поляницей Николаем Максимовичем мы беседовали у него дома. Встретил меня очень спокойный, приветливый, интеллигентный человек.

Николай Максимович говорил не столько о боях и сражениях, сколько о довоенном времени, о суровых военных буднях, о людях в военном быту — словом, о том, о чём мне больше всего хотелось услышать.

Интересный рассказчик и большой оптимист, он во всём находил светлые стороны.

Воспитание до войны, по словам ветерана, было на очень высоком уровне. Сквернословия практически не было. В присутствии нескольких человек оно было явлением крайне редким. Это могли позволить себе молодые люди только в тесной дружеской компании, да и то в исключительных случаях.

Ветеран высказал, может, и не совсем новую для меня, но очень важную мысль. Раньше я особо не задумывался о том, как нужна была солдатам на фронте поддержка всей большой страны, вера в то, что о них помнят, их любят и ждут, что бы с ними не случилось. Вестей из дома и новостей с фронта ждали все. Вместе читали и вместе радовались каждому доброму слову и самой маленькой удаче. И горевали тоже все вместе.

В войну у людей было необыкновенное чувство единства и ощущение причастности к общим делам. **Победа над фашистами стала возможной только потому, что на защиту Родины встал весь советский народ.** Не все держали оружие в руках, но вклад

всего народа, простых людей огромен. Они днём и ночью стояли у станков, от зари до зари работали в поле и ничего не жалели для солдат, которые ежедневно подвергали опасности свою жизнь. Помогали фронту, чем могли: вязаными вещами, продуктами. Сами жили впроголодь, отправляя на фронт последний кусок хлеба. И мы все должны быть благодарны тем, кто в далёком тылу ковал своим трудом и своим участием нашу Победу.

Служил Н. М. Поляница в войсках связи на севере страны. В военных операциях не участвовал, но его служба была очень важна, нелегка и опасна.

Многие километры приходилось вышагивать с аппаратурой, которая весила десятки килограммов. Как-то раз провалился под лёд, но выбрался сам — сослуживцы помочь не могли.

«Вот идёшь, — вспоминает Николай Максимович, — десяток-другой километров и не знаешь, сможешь ли в случае необходимости связаться с базой. На участке в 10-20 километров где-то оборваны провода. Место обрыва нужно найти и починить. Тогда ведь техника была не такая, как сейчас. Но, в силу служебного долга, всегда справлялись».

Служили дружно, конфликтов среди товарищей не было.

Рядом тундра, всё белым-бело. Охраняли стратегически важные объекты. Поэтому на фронт не отпускали, хотя ребята сами туда рвались. Объясняли, что служить надо там, куда определили, и что служба связи не менее важна, чем другие войсковые части.

Николай Михайлович Поляница

Николай Максимович произвёл на меня впечатление исключительное. С таким добрым, вежливым, деликатным человеком приятно разговаривать. Он показал мне на карте места, где проходила его служба.

После службы в армии Поляница жил в Москве, работал на «Мосфильме», затем переехал в Великий Новгород. Занимал ответственные посты в различных организациях, работал в НовГУ, в здании нынешнего Гуманитарного института. На прощание мы обменялись тёплыми словами и добрыми пожеланиями. Приятно сознавать, что рядом с нами живут такие прекрасные люди.

Я преклоняюсь перед старшими поколениями за то, что они сохранили страну и дали нам будущее. У них есть чему поучиться. Мы не имеем права их подвести, и мы не подведём!

То, что пережили наши деды и прадеды, наши бабушки и прабабушки в годы войны, не должно повториться. Именно для этого они так старались! Они жертвовали своей молодостью, а часто и жизнью, ради нас, и мы должны их за это уважать, ценить, должны заботиться о них, уделять им больше внимания, никогда о них не забывая. Каждый из них, несмотря на все тяготы военных лет, сохранил в себе человека!

В общении с очень пожилыми людьми нам иногда не хватает терпения и такта. Мы не всегда помним, что, в силу возраста, им нелегко живётся. Нам надо быть более уступчивыми, идти им навстречу, помня о том, что они сделали для нас, в какой тяжёлой войне выстояли. И даже если кто-то из них не был на фронте, все они, без исключения, достойны нашей благодарности — ведь они поднимали и развивали страну, вкладывая в это все свои силы.

Благодаря этим людям, мы живём, развиваемся, идём в будущее. Их победа — в каждом следующем поколении!

Спасибо! Низкий вам поклон, дорогие ветераны!

**Вам, живым и павшим героям
Великой Отечественной войны,
посвящается этот сборник**

*Наклонены гвардейские знамена.
Под траурную музыку оркестров,
Честь воздаем погибшим поименно,
Молчаньем, поминая неизвестных!*

Михаил Богданов (2000 г.)

Историко-краеведческое издание

Ради павших и живых

Сборник эссе к 67-летию Великой Победы

Составитель
Булгакова Алла Филипповна

Оригинал-макет подготовлен
Политехническим институтом НовГУ

Подписано в печать 13.03.2012. Формат 90×60/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл.печт.л. 9,5
Тираж 200 экз. Заказ № 007.

Вам, живым и павшим героям Великой Отечественной войны, посвящается этот сборник

*Наклонены гвардейские знамена.
Под траурную музыку оркестров,
Честь воздаем погибшим поименно,
Молчаньем, поминая неизвестных!*

Михаил Богданов (2000 г.)

